

ОТДЕЛ V

ХРОНИКА И ОТЧЕТЫ

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ АКАДЕМИИ И СЕМИНАРИИ ЗА 2003/2004 УЧЕБНЫЙ ГОД

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ СОВЕТА
МДАИС ОТ 30 ДЕКАБРЯ 2003 ГОДА

Слушали:

Сообщение секретаря Совета иерея Павла Великанова о состоявшихся защитах кандидатских диссертаций и дипломных работ выпускников Семинарии и Академии.

13 ноября 2003 г. состоялось заседание комиссии, обсуждавшей кандидатскую работу выпускника Академии 2000/2001 учебного года Казаку Петра по кафедре Пастырского богословия на тему: «Пастырская проблематика в работах греческого богослова протопресвитера Василия Фермоса». Комиссия постановила признать работу неудовлетворительной, поскольку содержание диссертации не соответствовало названию темы, вопросы, затронутые в диссертации, трактовались в большинстве случаев произвольно и необоснованно.

28 ноября 2003 г. состоялось заседание двух комиссий по защите кандидатских диссертаций и дипломных работ выпускников Академии и Семинарии.

Защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия выпускники дневного отделения Академии:

1. Лебедев Алексей, выпускник 2000/2001 уч. г. (по кафедре Богословия на тему: «Православная аскетика (Опыт построения системы аскетике по святым отцам „Добротолюбия“)»);

2. Куценко Евгений, выпускник 2002/2003 уч. г. (по кафедре Богословия на тему: «Массовая культура и внутренний мир человека»).

Защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата богословия выпускник заочного отделения 2001/2002 уч. г. Пимен (Клыков), иеродиакон (по кафедре Богословия на тему: «Этико-богословское раскрытие понятия блага в философском наследии Н. О. Лосского»).

Защитил дипломную работу выпускник заочного отделения Академии 2000/2001 уч. г. Сорвачев Сергей, иерей (по кафедре Библистики на тему: «Экзегетика книги пророка Иеремии по святым отцам Церкви»).

Успешно защитили дипломные работы следующие выпускники Семинарии 2003 г.:

1. Алешин Владислав (по кафедре Богословия на тему: «Психотехника как суррогат религии»);

2. Головинов Николай (по кафедре Библистики на тему: «Ветхозаветная антропология по учительным книгам Ветхого Завета»);

3. Гузенко Алексей (по кафедре Библистики на тему: «Апостольское достоинство святого апостола Павла по его посланиям»);

4. Поляков Сергей (по кафедре Церковной истории на тему: «Императорская власть и Церковь при Константине Великом»);

5. Плужников Алексей (по кафедре Церковной истории на тему: «Выдающиеся историки Санкт-Петербургской духовной академии»);

6. Прокопий (Базанов), иеродиакон (по кафедре Богословия на тему: «Изъяснение святым Григорием Нисским заповедей блаженства [по творению „О блаженстве“]»);

7. Шкляр Сергей (по кафедре Богословия на тему: «Теодицея Н. О. Лосского»).

Постановили: Сообщение принять к сведению.

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ СОВЕТА МДАИС ОТ 8 ИЮНЯ 2004 ГОДА

Слушали:

Сообщение секретаря Совета иерея Павла Великанова о проходившей 7 мая и 3 июня 2004 г. защите кандидатских диссертаций и дипломных работ выпускниками Академии, а также дипломных работ выпускниками Семинарии.

Защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия выпускники очного отделения 2003/2004 уч. г.:

1. Балабанов Игорь (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Святоотеческое учение о добродетелях как мировоззренческая основа православного воспитания»);

2. Боронтов Марк (по кафедре Библистики на тему: «Источники и характер цитирования текстов Ветхого Завета в Евангелии от Матфея»);

3. Бурег Владимир (по кафедре Церковной истории на тему: «Православная Церковь в Чешских землях в 1918—1938 годах»);

4. Венюков Дионисий, иерей (по кафедре Патрологии на тему: «Преподобный Григорий Синаит: жизнь, творения, богословие»);

5. Зуев Александр (по кафедре Филологии на тему: «Оценка литературных трудов преподобного Иосифа Волоцкого в церковной и светской историографии»);

6. Иоанн (Корчуков), иеромонах (по кафедре Богословия на

тему: «Творения древних христианских подвижников в жизни современного пастыря Церкви»);

7. Мищенко Артемий (по кафедре Церковной истории на тему: «Духовник Самарской епархии протоиерей Иоанн Букоткин»);

8. Петров Андрей (по кафедре Библистики на тему: «Послание святого апостола Павла к Колоссянам в русской библистике»);

9. Сергей (Матвейчук), иеромонах (по кафедре Церковной истории на тему: «Лемки и Православие в XX веке»);

10. Яковлев Алексей, иерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Формирование ценностной ориентации курсантов высших военных учебных заведений на основах православной культуры»);

11. Ясеницкий Василий, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Деятельность митрополита Андрея Шептицкого по установлению восточного обряда после 1917 года»).

Защитили кандидатские диссертации выпускники Академии 2003/2004 учебного года и выпускники прошлых лет по сектору заочного обучения:

1. Алексей (Никоноров), иеромонах (по кафедре Церковной истории на тему: «История христианства в Кавказской Албании»);

2. Алексей (Трегубенко), игумен (по кафедре Библистики на тему: «Труды Н. Н. Глубоковского в области истолкования Апостола и Апокалипсиса»);

3. Безруких Олег, протоиерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Храмы города Томска. Опыт церковного историко-архитектурного исследования»);

4. Василий (Саяпин), иеромонах (по кафедре Богословия: «Взгляды И. В. Киреевского на соотношение веры и знания в контексте православной святоотеческой традиции»);

5. Евдокимов Андрей, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Преподобный Симеон Новый Богослов как представитель аскетико-созерцательного направления в византийском богословии»);

6. Кулемин Георгий, иерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Храмы Балашихинского благочиния Московской епархии. Опыт церковно-археологического исследования (история, архитектура, святыни);

7. Матюшин Сергей, иерей (по кафедре Церковной истории на тему: «Церковный некрополь Ваганьковского кладбища г. Москвы»);

8. Пимен (Клыкков), иеродиакон (по кафедре Богословия на тему: «Этико-богословское раскрытие понятия блага в философском наследии Н. О. Лосского»);

9. Сергей (Агриков), иеромонах (по кафедре Богословия на тему: «Служение Богу и людям Оптинских старцев (конец XIX—начало XX)»);

10. Соукуп Марк, диакон (по кафедре Богословия на тему: «Русская идея в религиозной философии XX века»).

Удостоены степени кандидата богословия стажеры Волгоградского православного университета:

1. Тупиков Владимир (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Православные монастыри греческого Востока XI—XII веков (по данным монастырских типиков)»);

2. Чепурной Александр (по кафедре Церковной истории на тему: «Церковь и государство в Византии на рубеже XIII—XIV вв. Вопросы взаимоотношений патриарха Афанасия I и императора Андроника II Палеолога»).

Удостоен степени кандидата богословия выпускник аспирантуры при ОВЦС Чернов Василий (по кафедре Богословия на тему: «Церковь Англии: очерк истории в XX веке и современное устройство»).

Успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия профессорские стипендиаты клирики Армянской Апостольской Церкви:

1. Иоаким (Манукян), иеромонах (по кафедре Церковной истории на тему: «История богослужения Армянской Апостольской Церкви (V—XIV вв.) и его особенности в свете Православного Предания»);

2. Мушег (Бабаян), иеромонах (по кафедре Богословия на тему: «Религиозно-нравственные воззрения святого Григора Нарекаци»).

Удостоены степени кандидата богословия выпускники Академии прошлых лет по очному отделению:

1. Григорьев Герман, иерей, выпускник 2002 г. (по кафедре Церковной истории на тему: «Патриарший экзарх Латвии и Эстонии митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский)»);

2. Иванов Николай, выпускник 2002 г. (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Учебно-воспитательная работа в православной гимназии»).

Защитили дипломные работы выпускники очного отделения Академии 2003/2004 уч. г.:

1. Тойич Ненад (по кафедре Церковной истории на тему: «Митрополит Петр Цетинский как церковный деятель»);

2. Дмитрий (Фокин), инок (по кафедре Богословия на тему: «Святоотеческое учение о терпении (по „Добротолубию“)»).

Защитил дипломную работу выпускник Академии по сектору заочного обучения Дорофеев Роман (по кафедре Богословия на тему: «Вероучение Церкви Иисуса Христа святых последних дней (секта мормонов)»).

Защитили дипломные работы выпускники Академии прошлых лет по сектору заочного обучения:

1. Осипенко Игорь, иерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Идейно-смысловые особенности богослужебных праздничных молитвословий в честь Креста Господня»);

2. Зотик (Плачинта), иеродиакон (по кафедре Богословия на тему: «Особо чтимые православные святые Франции»);

3. Яноров Иоанн, иерей (по кафедре Церковной истории на тему: «История христианского просвещения чувашского народа до 1917 г.»).

Защитили дипломные работы выпускники очного отделения Семинарии:

1. Алещенко Дмитрий (по кафедре Филологии на тему: «Перевод с латинского языка „Толкования на книгу Иова“ святого Григория Великого»);

2. Александров Степан (по кафедре Филологии на тему: «Перевод сочинения Блаженного Августина, епископа Иппонского, „О Троице“ (IV и V книги)»);

3. Басов Роман (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Иерусалимский устав на Руси»);

4. Бурмистров Михаил (по кафедре Богословия на тему: «Догматическое содержание службы Великой Пятницы»);

5. Васильев Константин, диакон (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Опыт построения диспута с представителями ислама»);

6. Виноградов Кирилл (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Организация миссионерской деятельности на приходе»);

7. Войтов Владимир, диакон (по кафедре Богословия на тему: «Первородный и родовой грех»);

8. Выдумкин Дмитрий (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Заочное обучение основам Православия в местах лишения свободы»);

9. Галицкий Мартин (по кафедре Богословия на тему: «Идеал цельного познания в творениях ранних славянофилов»);

10. Герасимов Павел (по кафедре Библистики на тему: «Христорология по посланиям святого апостола Павла»);

11. Главацкий Анатолий (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «История крестных ходов»);

12. Гуторов Алексей, диакон (по кафедре Филологии на тему: «Художественно-историческая и богословская семантика „История франков“ святителя Григория Турского»);

13. Давиденко Алексей, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Учение святителя Григория Нисского о человеческом теле»);

14. Деньгин Вадим (по кафедре Церковной истории на тему: «Канонизация Царственных Страстотерпцев»);

15. Дорохин Андрей, диакон (по кафедре Филологии на тему: «Ситуативный подход к переводу на английский язык церковной православной лексики»);

16. Дробышев Вячеслав, иерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Состояние и перспективы взаимодействия Русской Православной Церкви и Вооруженных сил России»);

17. Иванов Георгий, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Учение о монархии Бога Отца в православном богословии»);

18. Иващук Андрей (по кафедре Церковной истории на тему: «Львовский Церковный Собор 1946 г. Протопресвитер Гавриил Костельник»);

19. Казынкин Дмитрий, диакон (по кафедре Филологии на тему: «Перевод трактата „Против Монофиситов“ [Contra Monophysitas] св. императора Юстиниана I Великого»);

20. Ким Сергей (по кафедре Филологии на тему: «Перевод

третьей книги „Моралии на Иова“ [Moralia in Job] свт. Григория Двоеслова, папы Римского»);

21. Кучеренко Андрей (по кафедре Богословия на тему: «Богословская оценка протестантского принципа „только верой“»);

22. Майсурадзе Роман (по кафедре Филологии на тему: «Проблема религиозного мировоззрения И. С. Тургенева»);

23. Миндров Алексей, диакон (по кафедре Богословия на тему: «Проблема инославия в творениях святителя Филарета Московского»);

24. Мишустин Дмитрий (по кафедре Церковной истории на тему: «История дарования автокефалии Американской Православной Церкви: история и современное положение»);

25. Михаил (Владимиров), инок (по кафедре Церковной истории на тему: «Введение нового стиля в Валаамском монастыре в 20—40-е гг. XX в.»);

26. Мумриков Олег (по кафедре Богословия на тему: «Мировоззренческий и этический аспекты в методологии преподавания биологических дисциплин в старших классах средней общеобразовательной школы»);

27. Мякушкин Андрей, диакон (по кафедре Богословия на тему: «Свобода выбора в свете православной антропологии»);

28. Наумов Александр (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Миссионерская проповедь в системе пенитенциарных учреждений»);

29. Нечаев Михаил (по кафедре Церковной истории на тему: «Отношение императора Павла I к масонам и ордену иезуитов»);

30. Новожилов Алексей (по кафедре Филологии на тему: «Жизнь православных русских общин в столице и провинциях Франции (по современной французской прессе)»);

31. Петров Иван (по кафедре Богословия на тему: «Пуританская реформация в Англии в XVI — начале XVII века»);

32. Петровский Николай (по кафедре Церковной истории на тему: «История Православия в Канаде»);

33. Петухов Алексей (по кафедре Церковной истории на тему: «Обзор книги И. К. Смолича „Русское монашество“»);
34. Пиэсис Илья (по кафедре Библистики на тему: «Эсхатология по посланиям святого апостола Павла»);
35. Ефрем (Просьянок), иеродиакон (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Идейный смысл и история праздника Благовещения Пресвятой Богородицы»);
36. Редин Сергей (по кафедре Церковной истории на тему: «Старообрядчество глазами В. О. Ключевского, Е. Е. Голубинского и митрополита Макария (Булгакова)»);
37. Романенко Павел (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Археологические раскопки в Троице-Сергиевой лавре в 2003 году»);
38. Сергеев Юрий (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Иван Алексеевич Гарднер — церковный музыковед и композитор»);
39. Сергеев Михаил (по кафедре Церковной истории на тему: «Оценка Указа о секуляризации монастырских вотчин императрицы Екатерины II в историографии»);
40. Сидоров Александр (по кафедре Библистики на тему: «Учение о браке по посланиям святого апостола Павла»);
41. Сидулов Михаил (по кафедре Церковной истории на тему: «Календарный вопрос в Поместных Православных Церквях в XX веке: краткий обзор»);
42. Собачевский Роман (по кафедре Филологии на тему: «Перевод „Толкования на Песнь Песней“ [Expositio in Canticum Santicorum] свт. Григория, папы Римского»);
43. Соколов Александр (по кафедре Церковной истории на тему: «Русская Православная Церковь и события Русско-японской войны на море 1904—1905 гг.»);
44. Соловей Виктор (по кафедре Библистики на тему: «Эклезология святого апостола Павла»);
45. Творогов Константин (по кафедре Библистики на тему: «Учение о трихотомии по посланиям святого апостола Павла»);

46. Тимофеев Борис (по кафедре Филологии на тему: «Перевод первой книги „Моралии на Иова“ [Moralia in Job] свт. Григория Двоеслова, папы Римского»);
47. Ткачев Евгений (по кафедре Филологии на тему: «Св. Исихий, пресвитер Иерусалимский, и его гомилетическое наследие»);
48. Трусов Вячеслав, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Неоязычество как феномен постсоветской культуры»);
49. Харламов Алексей (по кафедре Богословия на тему: «Изъяснение святым Григорием Нисским молитвы Господней »);
50. Хропот Дионисий, иерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Одежды духовенства: традиции и современность»);
51. Чернушенко Андрей (по кафедре Библистики на тему: «Основы духовной жизни по посланиям святого апостола Павла»);
52. Шайцан Виктор (по кафедре Церковной истории на тему: «История дискуссии о богослужбном языке Русской Церкви в XIX—XX вв.»);
53. Шевчук Виталий (по кафедре Церковной истории на тему: «История Молдавского Свято-Вознесенского женского монастыря Жабка от основания до наших дней»);
54. Шостак Евгений (по кафедре Церковной истории на тему: «Святитель Тихон, Патриарх Московский и всея России, как исповедник веры»);
55. Шумкин Андрей (по кафедре Филологии на тему: «Перевод трактата блж. Августина „О пользе веры“ [De utilitate credendi]»).

Защитили дипломные работы выпускники Семинарии по экстернату:

1. Лахтин Александр (по кафедре Филологии на тему: «Духовные этапы творческого пути Н. В. Гоголя»);

2. Кривотулов Александр (по кафедре Церковно-практических дисциплин «Социальные аспекты пастырского служения»);
3. Никулин Павел (по кафедре Церковной истории на тему: «Развитие русского иконостаса в XV—XVI веках»).

Защитили дипломные работы выпускники Семинарии 2002/2003 уч. года:

1. Маслий Александр (по кафедре Богословия на тему: «Ницше и христианство»);
2. Овчаров Евгений (по кафедре Богословия на тему: «Митрополит Сергей (Страгородский) как Первоиерарх Русской Православной Церкви»);
3. Суханов Олег (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Особенности преподавания психологии в духовных школах»).

Не защитил кандидатскую диссертацию по очному отделению Канделаки Манучар (по кафедре Церковной истории на тему: «Святой царь Давид-Строитель и его церковная деятельность»).

Не защитили кандидатские диссертации по заочному отделению:

1. Вениамин (Лабутин), игумен (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Пастырство в Русской Православной Церкви в XVII веке»);
2. Макарий (Лошкарев), иеромонах (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Пастырское богословие Римо-католической Церкви и его оценка с православной точки зрения»);
3. Халюта Сергей, протоиерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Пещерные церкви и монастыри древней Тавриды VI—XVI вв.»).

Не защитил дипломную работу выпускник Академии по очному отделению священник Сергей Свистунов (по кафедре Библистики на тему: «Труды Б. И. Гладкова по истолкованию Священного Писания Нового Завета»).

Не защитили дипломные работы выпускники Семинарии:

1. Мелитон (Присада), монах (по кафедре Богословия на тему: «Катехизическое значение „Большого огласительного слова“ святителя Григория Нисского»);
2. Новак Вячеслав (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Особенности преподавания евангельских притч в воскресной школе для младших и подростковых групп»);
3. Узун Георгий, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Крестьянские войны в Германии»);
4. Шелемин Павел (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Миссионерское служение русской эмиграции в XX веке»).

Всего в Академии было успешно защищено 30 кандидатских диссертаций, из них 15 — студентами дневного отделения и выпускниками прошлых лет, 10 — выпускниками СЗО, одна диссертация была защищена выпускником аспирантуры при ОВЦС, две — стажерами Волгоградского православного университета, и две — профессорскими стипендиатами клириками Армянской Апостольской Церкви.

Также были успешно защищены 7 дипломных работ выпускников Академии, из них 2 — выпускниками дневного отделения, 5 — выпускниками СЗО.

Выпускниками Семинарии была успешно защищена 61 дипломная работа, 17 человек из числа выпускников Семинарии не успели подать дипломные работы к защите.

Постановили: Сообщение принять к сведению.

ОТЗЫВЫ РЕЦЕНЗЕНТОВ НА КАНДИДАТСКИЕ
ДИССЕРТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ АКАДЕМИИ (№ 1—9)
И НА ДИПЛОМНЫЕ РАБОТЫ ВЫПУСКНИКОВ
СЕМИНАРИИ (№ 10—13).

1.1. ОТЗЫВ профессора архимандрита ПЛАТОНА (Игумена) на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии сектора заочного обучения иеродиакона ПИМЕНА (Клыкова) по кафедре Богословия на тему: «Этико-богословское раскрытие понятия блага в философском наследии Н. О. Лосского»

Предпринятое иеродиаконом Пименом (Клыковым) исследование представляет собой опыт богословского осмысления творческого наследия известного русского философа XX века Н. О. Лосского. Тематическое построение исследования имеет своим логическим основанием идею блага, являющуюся центральным, но не единственным конструктом в умозрении Лосского. Утверждаясь на этом основании и одновременно стремясь к всестороннему раскрытию идеи блага в том качестве, в каком это получило свое философское оформление у Лосского, автор представил объемное исследование, в котором наметил фундаментальный подход к изучению поставленной перед ним задачи. Указанная фундаментальная особенность представленного исследования с максимальной очевидностью проявляется в том, что в изложении автора идея блага, выходя за рамки изучаемого наследия Лосского, приобретает самостоятельное, автономное значение в качестве необходимого инструмента, с помощью которого автор в дальнейшем намерен выявить основные критерии этической ценности нравственных воззрений Лосского. На эту отмеченную особенность указывают многие обстоятельства и прежде всего содержания второй и третьей глав диссертации, включающих анализ положительной и отрицательной этической терминологии в богословском учении Православной Церкви и интерпретацию понятия

блага в контексте мировой религиозно-философской мысли. Поэтому необходимо отметить, что в общей структуре исследования вторая и третья главы диссертации носят, строго говоря, лишь предварительный или, как было уже констатировано, инструментальный характер, а четвертая и пятая главы диссертации, содержащие анализ философских и этических воззрений Лосского и их оценку с точки зрения православного богословия, являются основополагающими главами и составляют наиболее ценную и важную часть работы. В этой части диссертации формулируемая Лосским идея блага выступает в интерпретации автора в качестве основной доминанты, вокруг которой концентрируются и выстраиваются воззрения Лосского в области гносеологии, метафизики, онтологии, космологии, персонологии, этики и эсхатологии. Особое место в диссертации отводится вопросам интуитивизма в гносеологии Лосского и критическому разбору такого конструкта в космологии Лосского, как «субстанциональный деятель».

Критически оценивая структуру представленной иеродиаконом Пименом диссертации, следует указать, что в целом ее можно признать принципиально приемлемой и в методологическом отношении вполне оправданной. Тем не менее создается впечатление, что, работая над избранной темой, автор в своем творческом погружении в стихию богословского исследования как будто исключил из поля зрения некоторые, пусть даже совсем несущественные моменты, которые, однако, легко могут стать предметом критики со стороны самых взыскательных оппонентов. Например, в обзоре трудов Н. О. Лосского следовало бы в виде кратких тезисов изложить самые принципиальные положения таких важных в этическом и религиозно-философском отношениях работ, как «Ценность и бытие», «Основы этики. Условия абсолютного добра», «Бог и мировое зло. Основы теодицеи». И, хотя приоритет нравственно-богословской проблематики при внимательном и глубоком ознакомлении с диссертацией является вполне очевидным, все же более предпочтительное отношение к

вопросам этики не в ущерб гносеологии, онтологии и космологии было бы способно придать всему исследованию менее универсальный, менее поверхностно-диффузный, но более цельный и конкретный характер.

Принимая во внимание то обстоятельство, что автор представленного весьма солидного и фундаментального труда, удовлетворяющего основным требованиям к научным работам подобного ранга, явился среди богословов-исследователей первопроходцем в той области, к которой относится избранная им тема диссертации, а также учитывая объективность и справедливость сделанных автором исследования оценок и выводов, считаю его по достоинству заслуживающим искомой ученой степени кандидата богословия.

1.2. ОТЗЫВ профессора Н. К. ГАВРЮШИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии сектора заочного обучения иеродиакона ПИМЕНА (Клыкова) по кафедре Богословия на тему: «Этико-богословское раскрытие понятия блага в философском наследии Н. О. Лосского»

Диссертационное исследование иеродиакона Пимена впечатляет прежде всего своим объемом — 263 страницы. При этом первое же знакомство с использованной литературой не оставляет сомнений в том, что оно оригинально — даже по подбору источников, многие из которых могут быть отнесены к новейшим публикациям. Столь же оригинальна в некоторых местах и методология автора: например, мне неведомы попытки верифицировать метафизические утверждения Н. О. Лосского относительно «субстанциальных деятелей» с помощью квантово-механических представлений.

Диссертация построена в соответствии со всеми формальными требованиями современной российской научно-образовательной системы. В ней раскрывается актуальность исследования,

поясняется степень научной разработанности проблемы, определяются объект и предмет исследования, его цель и задачи, а также теоретическая основа, раскрываются методология и методика, обосновывается научная новизна и суммируются основные положения, выносимые на защиту.

В диссертации имеются «Введение», 5 глав, «Заключение», список источников и литературы. По всем формальным признакам — за исключением наличия публикаций по теме работы — диссертация иеродиакона Пимена могла бы вполне быть представлена на соискание кандидата или даже доктора философии.

В содержательном отношении первая глава посвящена «внешней истории вопроса», т. е. преимущественно биографии Н. О. Лосского и общей оценке его воззрений, в которой автор примыкает к позиции П. П. Гайденко.

Несколько неудачным представляется здесь название параграфа «Проблема эклектизма в творчестве Н. О. Лосского». Оно двусмысленно, ибо наводит на предположение, что предметом анализа Лосского был эклектизм как некое научное или культурное явление. На деле же речь идет об эклектичности его собственных представлений.

Последний параграф в этой главе — «Место философских воззрений Н. О. Лосского в системе мировой философской мысли» — представляет собой лишь короткую выборку цитат из С. А. Левицкого и О. В. Зеньковского, не говоря уже о том, что слово «система» здесь скорее всего лишнее.

Вторая и третья главы работы посвящены не Лосскому, а концептуальному аппарату нравственного богословия и мировой религиозно-философской мысли. При чтении их складывается впечатление, что автор склонен отождествлять «термин» и «понятие» и связывать интерпретацию именно терминологии с монотеистической, абстрактно-мистической или другими установками.

Четвертая и пятая главы посвящены непосредственно Н. О. Лосскому. Автор прослеживает корни используемого философом

ключевого понятия «субстанциональный деятель» и дает критическую оценку связанных с ним богословских и метафизических построений. Он справедливо отмечает, что Лосский «отождествляет личность и субстанцию, что с точки зрения православного богословия просто недопустимо» (с. 196).

В исследовании проблемы зла «философ полностью копирует учение Церкви» (с. 253), но его персоналистические воззрения, учение о переселении душ и апокатастасисе «не могут найти одобрения с точки зрения церковного учения» (с. 254).

Исследование о. Пимена отражает широкую эрудицию, стремление использовать новейшие научные работы и информационные возможности, готовность к неординарным решениям при непоколебимой верности учению Церкви.

В концептуальном отношении оно могло бы быть более детализированным (любопытно было бы на конкретных текстах увидеть, как, скажем, соотносит Н. О. Лосский понятия «я» и «личность»), с точки зрения оформления — более внимательным (отметим опечатки на с. 38 — «в масштабе», с. 179, строка 4 св. — «обобщения», с. 91 — Гельвеций и др.).

В целом же диссертация иеродиакона Пимена вполне отвечает требованиям, предъявляемым к такого рода работам, а сам автор заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата богословия.

2.1. ОТЗЫВ преподавателя протоиерея Леонида ГРИЛИХЕСА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Марка БОРОНТОВА по кафедре Библистики на тему: «Источники и характер цитирования текстов Ветхого Завета в Евангелии от Матфея»

Представленная диссертация, объемом 138 страниц, состоит из краткого введения, трех глав, заключения и библиографии.

В первой главе дан сжатый обзор истории исследований цитирования ветхозаветных текстов в новозаветной литературе. Во

второй раскрыта проблематика ветхозаветной цитации в Евангелии от Матфея. Здесь предлагается статистический материал и делается интересная попытка типологизации ветхозаветных цитат по различным формальным и содержательным признакам, таким, как: вводные формулы, характер, задачи цитирования, лица, от имени которых приводится цитата, и т. п. Большую часть работы занимает третья глава, посвященная текстологическому разбору цитат.

Рассмотрев все ссылки на Ветхий Завет по критическому изданию Nestle-Aland'a, то есть свыше 500 мест, диссертант приходит к выводу, «что можно говорить о 46 точных и 29 неточных цитатах». Помимо того, он выделяет еще 33 места, где евангельские слова довольно близко следуют ветхозаветным текстам, но при этом «не позволяют говорить о прямом заимствовании». Отобрав таким образом 108 цитат и распределив их по трем группам (цитаты, приводимые от лица Спасителя, от лица автора и от прочих лиц), автор работы проводит детальное сравнение греческого текста цитат в Евангелии от Матфея с параллельными местами в Септуагинте, в еврейском тексте и, по необходимости, в арамейском таргуме. Основная задача такого сравнения заключается в том, чтобы, прокомментировав все расхождения и сближения анализируемых текстов, попытаться точнее определить источник цитации и яснее выявить характерные для первого канонического Евангелия особенности обращения к Ветхому Завету. Анализ текстов проведен с достаточной полнотой и тщательностью, и в этом смысле предлагаемую работу вполне можно признать состоявшейся. Сложнее дело обстоит с обобщениями и выводами, в чем откровенно признается и сам диссертант: «Многие наши выводы носят гипотетический характер, а многие вопросы остаются без ответов». Для окончательных и убедительных ответов требуется комплексный подход, который не может ограничиваться лишь просмотром ветхозаветных цитат. Поэтому можно согласиться со следующим заявлением автора: «Мы думаем, что ресурсы указанных выше источников использованы нами в

полной мере, и для дальнейшей разработки темы их уже недостаточно».

Следует отметить, что перед нами одна из немногих, а на моей памяти первая работа, посвященная проблеме библейской текстологии, требующая хорошей языковой базы, достаточного владения не только греческим и древнееврейским, но и арамейским языком. Тексты на этих языках, за небольшими исключениями, набраны без ошибок и оставляют хорошее впечатление.

Среди недочетов работы следует указать следующее.

В примере 23 (Мф. 10, 36) осталась незамеченной явная параллель между текстом Матфея и еврейским текстом прор. Михея (с. 39).

Рассматривая фразу из Мф. 19, 4, М. Борнатов замечает: «Спаситель безусловно цитирует книгу Бытия, хотя и не оформляет Свои слова как цитату», — тогда как слова «не читали ли вы» выполняют именно такую функцию (с. 56).

На с. 89 диссертант утверждает, что книга Судей не входит в число пророческих, однако в еврейской традиции, начиная, по крайней мере, со II века до Р. Х., она относилась к разделу *невеим*, то есть Пророки.

Отсутствует обзор кумранских источников, где наблюдаются определенные параллели с евангельской литературой в оформлении ввода цитат.

Несмотря на указанные недочеты, данная работа с достаточной полнотой освещает один из сложнейших и интереснейших вопросов современной новозаветной библеистики и, что важно, может послужить справочным материалом для дальнейших исследований в области возникновения христианской письменности. Предлагаю оценить работу на «отлично».

2.2. ОТЗЫВ преподавателя Г. М. КЕССЕЛЯ на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Марка БОРНТОВА по кафедре Библистики на тему: «Источники и характер цитирования текстов Ветхого Завета в Евангелии от Матфея»

Работа М. Борнтова относится к числу тех работ, за которые уже с первого просмотра можно было бы поставить отличную оценку. Автор проводит исследование ветхозаветных цитат в тексте Евангелия от Матфея, выявляя, к какому ветхозаветному тексту ближе та или иная цитата и каковы особенности их цитирования.

Многие параграфы говорят об авторе как о серьезном начинающем исследователе, имеющем основательную языковую базу и владеющем навыками внимательного филологического чтения и методами исторической критики.

Наиболее слабым местом работы является введение, которое должно было бы показать и принципиальную новизну предпринятого автором исследования, и одновременно поставить его в контекст предшествующей истории библеистики.

Во II главе, предшествующей основной части работы — анализу цитат, автор приводит важные статистические данные относительно использования ветхозаветных книг в Евангелии и отличает те из них, которые вводятся от лица Господа, от тех, которые предлагаются от лица евангелиста Матфея, указывая на особенности их цитирования. К числу несомненных удач автора можно отнести простое, но точное наблюдение о различном характере обращения Господа к простому народу и к образованной части еврейского общества (с. 17—18). Необходимо также отметить обнаруженную автором параллель между пятью речами Господа в Евангелии от Матфея и пятью книгами Моисея (с. 23). Такие наблюдения очень важны и несомненно заслуживают отдельного изучения. К некоторым недоработкам этой главы относится недостаточная обоснованность выбора для анализа 108 ци-

тат (при этом сам автор приводит сильно различающиеся между собой результаты подсчетов четырех исследователей, каждый из которых, конечно же, при подсчете опирался на ряд эксплицитно выраженных критериев).

Большая часть работы посвящена анализу евангельских цитат и их сравнению с параллельными текстами еврейской Библии, Септуагинты, и, в ряде случаев, таргумов. Именно в этой части автор успешно проявил себя как владеющий на достаточном для серьезного исследования уровне древнееврейским, арамейским (который автор осваивал самостоятельно) и древнегреческим языками. В избранной им схеме рассмотрения евангельских цитат (синод. НЗ, греч. НЗ, евр. Библия, синод. ВЗ, Септуагинта) желательно было бы видеть и русский перевод Септуагинты, что сделало бы предпринятый им анализ еще более «красноречивым». Анализ проведен тщательно, хотя иногда и можно наблюдать отсутствие, как нам кажется, важных разъяснений сравниваемых фрагментов, что снижает в некоторых случаях обоснованность выводов. Результатом кропотливого сравнения стал следующий важный вывод: «Большинство текстов, соответствующих еврейскому оригиналу, вводятся в евангельское повествование от лица автора — апостола Матфея... Ветхозаветные цитаты, соответствующие Септуагинте, в подавляющем большинстве своем вводятся в евангельское повествование от лица Господа». Автору следовало бы более ярко продемонстрировать важность обнаруженного им факта и показать, что он дает для решения сложного вопроса относительно оригинального языка Евангелия от Матфея и каковы перспективы дальнейших исследований в области изучения ветхозаветных цитат в Евангелиях, тем более что метод установления оригинального языка текста через анализ используемых цитат давно зарекомендовал себя с положительной стороны и успешно применяется библеистами. Так, например, именно этот метод позволил выдвинуть наиболее обоснованную гипотезу относительно сирийского языка как оригинального языка Диатессарона.

Результат анализа цитат может стать отправной точкой качественно нового подхода к изучению текста Евангелия, и поэтому высказанное автором объяснение установленного отличия цитат, вводимых от лица Господа и от лица евангелиста, выглядит несколько поспешным (с. 130—132).

Но все эти замечания, а также ряд небольших погрешностей, не отменяют высокого качества всей работы, основанной на самостоятельном и вдумчивом анализе евангельских цитат.

Работа заслуживает оценки «отлично», а автор — присвоения ученой степени кандидата богословия. Хочется надеяться, что автор не остановится на достигнутых результатах и будет успешно продолжать работу в данной области, что весьма актуально при том катастрофическом дефиците отечественных квалифицированных библеистов, который наблюдается в нашей стране уже на протяжении многих десятилетий.

3.1. ОТЗЫВ профессора А. И. СИДОРОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии диакона Дионисия ВЕНЮКОВА по кафедре Богословия на тему: «Преподобный Григорий Синаит: жизнь, творения, богословие»

Значение прп. Григория Синаита в истории святоотеческой письменности и богословия трудно переоценить: один из выдающихся представителей поздневизантийского исихазма, он занимает почетное место в православном Предании. Однако нельзя сказать, что в научных исследованиях ему уделялось то внимание, которое он заслуживает.

Правда, вообще на Руси и в русской патрологической науке, в частности, этот святой отец был хорошо известен: не говоря о переводах его творений прп. Паисием Величковским и свт. Феофаном Затворником, можно указать на работу владыки Алексия (Дородницына), которая, впрочем, носит самый общий характер.

Значительный вклад в изучение духовного и богословского наследия прп. Григория внес владыка Вениамин (Милов), написавший в свое время кандидатскую диссертацию о нем и предпринявший новый перевод его творений (опубликованный лишь в новейшее время). Совсем недавно прп. Григорию посвятил свою книгу и игумен Петр (Пиголь), который, впрочем, сделал в ней основной акцент не столько на самом преподобном отце, сколько на его духовных преемниках.

Следует учесть, что в 80-х годах XX в. появился ряд публикаций Д. Бэлфура, заставивших по-новому взглянуть на творчество Синаита. Находка этим ученым «Слова на Преображение» и нескольких неизвестных фрагментов творений прп. Григория позволила глубже понять аскетическое богословие преподобного. В этой связи перед о. Дионисием мной и была поставлена проблема такого более глубокого осмысления.

Могу сказать, что диссертант в целом вполне успешно справился с данной задачей. Он дал ясный и четкий обзор жизни, творчества и богословских воззрений прп. Григория. Кроме того, в приложении им приведен русский перевод тех творений преподобного отца, которые открыл Д. Бэлфур. Меня эта работа вполне удовлетворяет, и могу сделать только несколько замечаний. Первое замечание касается структуры: на с. 47—57 дан весьма подробный пересказ содержания «Слова на Преображение»; мне кажется, что это несколько излишне, ибо перевод его представлен ниже. На мой взгляд, лучше было бы снабдить перевод примечаниями и комментариями: работа от этого только выиграла бы. Тут же на с. 48 говорится, что публикация «Слова» английским православным ученым была «первой критической редакцией» — автор некорректно использует выражение «критическое издание», имеющее в науке твердо установленное значение. На с. 58 подзаголовок «Духовные источники Слова» не соответствует его содержанию. Имеется и ряд более мелких замечаний по стилю и терминологии: например, на с. 59 говорится о «визу-

ализации (?) Божественного света в сочинениях синайского подвижника».

В общем могу сказать, что работа о. Дионисия, естественно, во многом зависит от исследований Д. Бэлфура, но при этом автор диссертации достаточно самостоятелен. Он хорошо знаком и с источниками, и с соответствующей научной литературой, хотя это знакомство порой носит «пассивный» характер, т. е. источники и литература, указанные в библиографии, не всегда активно используются в самой работе. Нельзя требовать от автора, конечно, и осмысления богословия прп. Григория в широком контексте святоотеческой мысли, ибо эта задача явно выходит за рамки кандидатской диссертации.

Вывод: работа соответствует нормам, предъявляемым к кандидатским диссертациям, и автор ее заслуживает искомой степени кандидата богословия.

3.2. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ДИОНИСИЯ (Шленова) на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии диакона Дионисия ВЕНЮКОВА по кафедре Богословия на тему: «Преподобный Григорий Синаит: жизнь, творения, богословие»

Представленная к защите диссертация состоит из введения, трех частей, заключения и приложения, в качестве которого дается перевод слова преподобного Григория Синаита на Преображение. Общий объем работы, включая приложение, составляет 182 страницы. Работа написана хорошим языком, весьма прилежно, автором добросовестно указаны все необходимые ссылки, в случае необходимости он не ленится дать надлежащие пояснения (см. с. 3).

О ее несомненных достоинствах сказано научным руководителем. Остановимся по преимуществу на некоторых недостатках и недоработках. В исследовании иногда встречаются стилистические недочеты, например, «обращение к голосу лич-

ности...» (с. 5), «к оппозиционерам синайского подвижника» (с. 27). Встречаются явные опечатки: «Григории» вместо «Григорий» (с. 15); «последовательного взошедшего» вместо «последовательно взошедшего» (с. 156). Есть опечатки и в греческом тексте, хоть и достаточно редко (например, с. 13). Иногда автор выражается чересчур смело и использует нетрадиционные сочетания, как, например: «В своей изначальной богоподобной заданности» (с. 3).

Во введении (с. 3—12) автор работы обосновывает актуальность выбранной им темы, пытается оценить значение личности преподобного Григория, обозреть литературу, посвященную ему и его трудам. При этом он иногда попутно допускает смысловые неточности. Так, выражение «образ духовно целостной личности... служит непререкаемым свидетельством и еще одним подтверждением в цепи церковного предания неповрежденности и сотериологической значимости духовного опыта православия» (с. 6) носит слишком общий и не вполне проясненный характер, поскольку духовный опыт является не столько объектом для доказательств, сколько самим доказательством.

Осталось непонятным, почему древнейшая и более полная версия жития святого именуется второй, а позднейшая первой (с. 7). Автор упрекает преподобного Никодима за отсутствие оригинальности в написании жития преподобного Григория (с. 7), но можно ли требовать оригинальности от житийного текста, насколько не претендующего на это?

Автор пишет, что работы Григория Синаита помещались в 4-м томе греческого «Добротолюбия» (с. 9), полагая, что изначально оно было разделено на 5 томов. Но это не соответствует действительности: данное деление было осуществлено только диаконом Елифанием Теодоропулосом в 1957 г. Иногда автор позволяет себе некоторую гипотетичность высказываний, недопустимую в научном исследовании. Что значит «доступны для исследования, по-видимому, все сохранившиеся аскетико-богословские сочинения...» (с. 12)?

В первой части работы, посвященной житию преподобного Григория Синаита, при указании некоторых важнейших событий, в частности даты рождения (с. 13), автор дает ссылку только на вторичный источник, что явно недостаточно (см. также ссылка 93 на с. 18 и др.), или не делает никакой: так, откуда нам известно, что преподобный Григорий в течение трех лет нес послушание в пекарне и на кухне (с. 15)?

Неуместная гипотетичность высказываний, появившаяся во введении, продолжается и потом. Фраза автора «дальнейшее образование мог приобрести, например, в Лембийском монастыре...» с последующей ссылкой на древний перевод жития (с. 13) может ввести читателя в недоумение: кто делает предположение в данном случае — диссертант или патриарх Каллист, автор жития? Также автор бездоказательно пишет о приобщении «к научному знанию», говоря при этом исключительно о религиозном образовании (там же). Он должен был хотя бы задаться вопросом, получил ли преподобный Григорий в той или иной мере светское образование, и если получил, то привести тому ряд доказательств или соображений.

Не всегда ясной оказывается авторская позиция. С одной стороны, он вдохновенно пересказывает факты из жития, с другой стороны, излишне легко соглашается с критической позицией Д. Бэлфура и готов отказаться от ранее сказанного им же самим (с. 17).

В разделе 1.4 автору следовало бы подробнее остановиться на предшественниках преподобного Григория, которых он касается только вскользь. Так, он пишет о начале употребления молитвы Иисусовой, опираясь только на слова архиепископа Василия (Кривошеина), хотя мог бы сослаться и на первоисточники (с. 37).

Во второй части работы (с. 41—111) говорится о творениях преподобного Григория Синаита. Автор добросовестно излагает развернутый план-конспект его аскетических творений. При характеристике славяно-русских переводов следовало бы упомя-

нуть, что аналогичную работу проделал епископ Вениамин (Миллов). Все дополнительные сведения о рукописях и изданиях опущены. Автор ничего не пишет о критическом издании жития с параллельным русским переводом, подготовленном Х. Байером (Екатеринбургский университет, находится в печати). Вне поля зрения автора остались и литургические сочинения преподобного Григория, в частности тропари Святой Троице, каноны: Кресту, св. отцам, канон умиленный ко Христу, упомянутые в труде архиепископа Филарета (Гумилевского)¹.

И, наконец, третья часть диссертации (с. 112—155) посвящена систематическому изложению аскетико-богословских воззрений преподобного отца. К сожалению, автор излагает их вне связи с византийской богословской и аскетической традицией, из-за чего очень трудно уяснить роль и место преподобного Григория в аскетике и богословии.

Соответственно, в заключении (с. 156—157) при подведении итогов диссертант ограничивается только повторением общих мыслей, высказывавшихся ранее, и не в полной мере достигает цели предпринятого им исследования.

В конце исследования приведена библиография (с. 158—167), насчитывающая 127 наименований, в которой имеется немало недочетов. В частности, если верить данным автора, оказывается, что современное издательство «Мартис» существовало в Москве уже в 1904 г. (см. с. 159)! Но самый существенный недочет библиографии состоит в том, что в ней почти не указываются иностранные исследования, посвященные Григорию Синаиту и его эпохе². Очевидно, что диссертант мог бы проявить большую любознательность, используя современные компьютерные техноло-

¹ Филарет (Гумилевский), архиеп. Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви. СПб., 1902. С. 357—359.

² В настоящее время наиболее обстоятельная библиография о прп. Григории Синаите опубликована в: ИАБ VI. № 375—411 (составитель раздела — А. Г. Дунаев). (Ред.)

гии, которые представляют уникальные возможности для поиска информации. Конечно, он может сказать в свое оправдание, что привел только те источники, которые просмотрел сам. Однако сей подход слишком узок и прагматичен для подлинно научного исследования, ради которого приходится не жалеть ни времени, ни сил.

Перевод, прилагающийся к диссертации, выполнен весьма удачно и мог бы быть рекомендован к публикации после соответствующей доработки. К сожалению, пока что его не удалось проверить более тщательно из-за отсутствия оригинального греческого текста. В числе легко устранимых недочетов можно отметить неоправданную любовь переводчика к вставным словам.

Надеясь на то, что все сделанные замечания будут впоследствии учтены автором, полагаю, что на данном этапе его труд может быть оценен как очень хороший. Диакон Дионисий Венюков несомненно заслуживает степени кандидата богословия.

4.1. ОТЗЫВ профессора А. И. СИДОРОВА на кандидатскую диссертацию стажера Московской духовной академии В. А. ТУПИКОВА по кафедре Церковной истории на тему: «Православные монастыри греческого Востока XI—XII веков (по данным монастырских типиков)»

Автор представленной работы поставил перед собой задачу изучить ряд аспектов византийского монашества XI—XII вв., опираясь на весьма специфичный вид источников — «типика». Основываясь на этих «типиках», он рассматривает вопросы взаимоотношения монастыря и мира, уделяет особое внимание такому специфичному явлению средневизантийской эпохи, как харистикий, анализирует некоторые моменты внутренней жизни обителей указанной эпохи.

Могу отметить, что работа выполнена достаточно добросовестно: доступные диссертанту источники и литература изучены

вполне тщательно. Во многом автор опирается на предшествующих исследователей, в частности на труды таких русских выдающихся византинистов, как И. И. Соколов, А. А. Дмитриевский и др., а также на работы некоторых современных западных ученых. Нельзя сказать, что в работе сделаны какие-либо серьезные открытия, но материал четко систематизирован и упорядочен; выводы ее на блещут глубиной, но вполне основательны.

У меня есть только одно замечание: автор работает не с греческими оригиналами «типиков», а с переводами их на английский и русский языки. Впрочем, учитывая специфику этих источников и их достаточно «примитивный» характер (то есть отсутствие богословских и философских глубин), подобный недостаток работы не представляется мне весьма серьезным. Мелкие замечания (типа употребления такого «газетно-слэнгового» понятия, как «лидер», применительно к игумену монастыря) сделаны мной в тексте диссертации — однако их очень немного.

В целом считаю работу В. А. Тупикова отвечающей требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а ее автора заслуживающим искомой степени кандидата богословия.

4.2. ОТЗЫВ профессора А. М. ПЕНТКОВСКОГО на кандидатскую диссертацию стажера Московской духовной академии В. А. ТУПИКОВА по кафедре Церковной истории на тему: «Православные монастыри греческого Востока XI—XII веков (по данным монастырских типиков)»

Диссертация В. А. Тупикова посвящена изучению сведений об устройении и внутренней жизни византийских монастырей в XI—XII вв., содержащихся в византийских ктиторских типиконах.

Диссертация состоит из вводной части, основной части, состоящей из четырех глав, общего заключения (выводов) и библиографии.

Во вводной части (с. 4—27) определена цель исследования,

которой является выявление места, занимаемого монашеством в византийском обществе в изучаемый период, рассмотрение внешних факторов, которые влияли на внутреннее устройство византийских монастырей, характеристика влияния, оказываемого монастырями на византийское общество. Затем охарактеризованы сохранившиеся ктиторские типиконы, являющиеся основными источниками автора (с. 7—17), а также представлен краткий обзор истории изучения византийских ктиторских типиконов и вообще византийского монашества (с. 18—27).

В первой главе основной части (с. 28—57), названной «Взаимоотношения монастыря и мира», рассмотрены главные причины, которыми руководствовались ктитория при основании монастырей. Одной из них было желание создать собственную (или же родовую) усыпальницу. Далее автор останавливается на экономическом аспекте существования византийских монастырей, уделяя особенное внимание различным способам обеспечения регулярного финансирования монастырей. Затем автор рассматривает институты попечительства и адельфата, после чего приводит сведения о каритативной деятельности византийских монастырей.

Вторая глава основной части посвящена рассмотрению института харистикариата (с. 58—82), который оказал сильное влияние на состояние византийского монашества в рассматриваемый период. На основании изучения свидетельств ктиторских типиконов, а также канонических и законодательных текстов автор приходит к выводу, что уже в XI веке этот институт не только не способствовал развитию монастырей, но часто приводил к необратимым, разрушительным для монастыря последствиям. Рассматривая различные способы противодействия этим негативным последствиям, автор разделяет бытующее в современной западной науке мнение о существовании в Византии «особого движения основателей монастырей, выражавшегося в стремлении к присвоению вновь основанным обителям статуса независимости от церковных и светских властей».

В третьей главе основной части (с. 83—118) рассматривается киновиальное устройство как основной способ организации византийского монастыря, приводятся сведения о количестве насельников, о правилах поступления в монастырь, ограничениях при приеме, о различных вступительных взносах (вкладах) и об отношении к ним со стороны основателей монастырей. Далее автор останавливается на правилах питания в монастыре и о порядке монастырской трапезы, пишет об исповеди и причащении. В заключении этой главы рассматриваются монастырские должности, описывается процедура избрания игумена и ее особенности, а также основные обязанности игумена.

В кратком заключении (с. 119—120) автор суммирует результаты проведенного им изучения византийского монашества и организации византийских монастырей.

На с. 121—125 находится библиография, которую составляют использованные автором работы по истории византийского монашества.

Краткий обзор содержания этой работы показывает, что автор проделана большая работа по изучению доступных ему источников и исследований, а также им были использованы и учтены выводы отечественных ученых, которые обычно не учитываются западными учеными, не знакомыми с русской научной литературой. Однако следует отметить, что по объективным причинам автором была учтена и использована далеко не вся литература, посвященная рассматриваемому вопросу. Например, при изучении харизматариата автор упоминает о некоем «особом движении основателей монастырей», но это «движение» хорошо известно исследователям под названием «евергетидской реформы», и ему посвящена большая литература. В этом случае автор (как и многие другие исследователи) не обращает внимания на тот факт, что ктитория не имели права присваивать особый статус своим обителям, так как это право принадлежало только высшей государственной власти, то есть императорам. Именно этим обусловлено было директивное установление особого статуса монастыря в ти-

пиконах монастырей, основанных императорами, и ссылка на императорские хрисовулы во всех других типиконах.

Однако эта и некоторые другие неточности не умаляют достоинств рассматриваемой работы, которая представляется заслуживающей положительной оценки, а ее автор — присвоения искомой степени.

Здесь необходимо отметить, что осознаваемая и отмечаемая автором неполнота освещения всей множественности различных аспектов изучения организации и внутренней жизни византийских монастырей XI—XII веков, неполнота, заложенная в самих рамках рассматриваемой работы, предполагает продолжение исследовательской деятельности, результаты которой позволят соискателю высказать более строгие и более обоснованные научные суждения о византийском монашестве рассматриваемого периода.

5.1. ОТЗЫВ протоиерея Валентина АСМУСА на кандидатскую диссертацию стажера Московской духовной академии А. В. ЧЕПУРНОГО по кафедре Церковной истории на тему: «Церковь и государство в Византии на рубеже XIII—XIV вв. Вопросы взаимоотношений патриарха Афанасия I и императора Андроника II Палеолога»

Диссертация посвящена теме первостепенной важности для всей истории древней Церкви и тысячелетней византийской истории. Только недавно, на протяжении последних 50 лет, в мировой науке стали разрабатывать эту тему без гнева и пристрастия, исходя из фактов, а не из мнений тех или иных идеологов. Таких идеологов несколько, и они создают до сих пор бытующие у нас ложные образы Византии. Популярная у нас книга М. В. Зызыкина «Патриарх Никон»³ представляет Византию в соответ-

³ Зызыкин М. В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи: В 3-х ч. / Репринт с изд. 1931, 1934, 1938 гг. М., 1995.

ствии с папистическими воззрениями этого патриарха. Римский папизм, для которого главным критерием церковности была покорность римскому первосвященнику, породил литературу, которая изображала жизнь Византийского государства как постоянное насилие над Церковью. Протестантизм и либерализм, исходя из новоевропейского индивидуализма, негативно оценивали и государственный абсолютизм, и церковный догматизм и возвышали на героический пьедестал еретиков, сектантов или преподобных Феодора Студита и Симеона Нового Богослова. В таких образах Византии выражался тот или иной идеал церковности, но все дело в том, что эти идеалы не соответствовали ни теории, ни практике самой Византии.

Рецензируемая работа счастливо избегает подобных исторических aberrаций. Автор не стремится дать какой-либо всепокрывающей идеальной схемы, предложить какую-либо исчерпывающую единую формулу. Опираясь на обширный фактический материал (в широком смысле слова: ведь не только происходившие события, не только сложившаяся практика, но и законы, и теоретические построения прошлого являются историческими фактами и факторами), автор описывает специфику церковно-государственных отношений в отдельные эпохи византийской истории. Но Византия отнюдь не была бездушным механизмом, функционирующим согласно детально проработанной конструкции. В Византии — и в этом, может быть, тоже сказалась ее христианская природа — человеческая личность значила больше, чем все институты и законы. И вся специфика заглавной темы диссертации, ограниченной рубежом XIII—XIV вв., не в выявлении каких-то общих принципов, а в драматическом взаимодействии двух выдающихся личностей. Автор прекрасно понимает это, и в его изображении свт. Афанасий и император Андроник — не столько «носители» и «представители» определенных церковных и государственных традиций, установлений, воззрений, сколько личности, преломившие эти традиции в свете своего ума, своего сердца, своего христианского подвига, личности в высокой степени

самобытные, что, по учению Писания (1 Кор. 12, 12 и др.) и по содержанию церковной истории, совсем не обязательно противоречит истинной церковности.

План работы детализирован, и оглавление занимает 4 удобные страницы. В введении автор ставит проблему, дает обзор источников и литературы и достаточно подробно говорит о предистории, о церковно-государственных отношениях с начала христианства до воцарения Андроника II.

В главе I рассматривается общая ситуация в Византии «на рубеже XIII—XIV вв.». Здесь уже говорится о двух главных действующих лицах, но скорее косвенно, в связи с общими факторами.

Глава II посвящена личным отношениям патриарха и царя, их взаимодействию друг с другом и с обществом. Афанасий I стремился к радикальному преобразованию жизни в духе христианской нравственности и строгой каноничности. Что-то в нем напоминает нашего патриарха Никона. Оба патриаршества святителя Афанасия прошли в таком остром конфликте с обществом, что и первое и второе патриаршество его окончились отречением. При этом, однако, он не пытался, подобно патриарху Никону, заслонить собой императора, но, напротив, как бы прятался за его спиной, пытаясь все или, во всяком случае, многие свои начинания проводить авторитетом и силой императорской власти.

В главе III автор рассматривает, как свт. Афанасий применял на практике существовавшую теорию церковно-государственных отношений, и выделяет собственные воззрения патриарха.

Глава IV рассматривает весьма важную, показательную тему — «Титулатура и императорские эпитеты в письмах св. Афанасия».

Чрезвычайно важно приложение — выполненный автором перевод писем свт. Афанасия. Этот важнейший исторический источник был до недавнего времени известен только отрывочно, и лишь в 1975 г. было сделано издание корпуса писем св. Афана-

сия (к сожалению, неполное). Если работа А. Чепурного и в целом заслуживает издания, то в первую очередь его заслуживает перевод писем святителя. Правда, этот перевод нуждается в доработке. Дело в том, что автор только приступил к изучению греческого языка, когда начал делать свой перевод, и по этой причине он руководствовался английским переводом писем, хотя постоянно сверял его с греческим оригиналом.

Работа выполнена на самом высоком научном уровне. Автор изучил необходимый круг источников, проштудировал обширную научную литературу. Он показал себя самостоятельным мыслящим исследователем, способным критически оценивать чужие выводы и положения и предлагать свои выводы и обобщения.

Диссертация А. В. Чепурного заслуживает самой высокой оценки и автор ее вполне заслуживает искомой степени.

5.2. ОТЗЫВ преподавателя священника Александра ЗАДОРНОВА на кандидатскую диссертацию стажера Московской духовной академии А. В. ЧЕПУРНОГО по кафедре Церковной истории на тему: «Церковь и государство в Византии на рубеже XIII—XIV вв. Вопросы взаимоотношений патриарха Афанасия I и императора Андроника II Палеолога»

Представленная работа посвящена одному из самых интересных периодов истории взаимоотношений Империи и Церкви в Византийской ойкумене. Почти полувековое правление императора Андроника Старшего рассматривается здесь в начальном его периоде, когда император стремился сохранить status quo во всех проявлениях византийской жизни, а особенно — во взаимоотношениях с Церковью. Данные попытки не всегда можно признать последовательными и удачными, достаточно напомнить, что в период правления Андроника II произошла смена десяти константинопольских патриархов.

Взаимоотношения Церкви и государства рассматриваются дис-

сертантом на примере таковых между самим императором и святителем Афанасием I. Обрисовав общий социально-политический контекст этого периода в главе первой, автор работы стремится увидеть отражение этих исторических факторов на деятельности патриарха. Это влияние видится автором в решительной, но по большей части малоэффективной борьбе свт. Афанасия с двумя социальными слоями, с которыми непосредственно сталкивался константинопольский патриарх. Речь идет об оставивших свои кафедры епископах и налоговых службах. О первой категории говорится, что «сам Афанасий, стремясь освободить свое каноническое владение от наплыва иерархов, не ограничивался требованием вернуться в прежние епархии, но указывал и на другие свободные кафедры» (с. 38), т. е. пытался решить проблему путем малосочетавшегося с канонической теорией «перевода» епископов на вакантные места. Что касается государственных служащих, то особое внимание святитель уделял «необходимости борьбы с коррупцией, процветавшей среди государственных чиновников, и в особенности — подчеркивает автор — сборщиков налогов» (с. 39).

Вторая глава полностью посвящена внешней истории отношений патр. Афанасия I и императора Андроника II; подробно рассматриваются причины двух отречений свт. Афанасия от патриаршего престола.

Глава третья интересна принципиально поставленным вопросом взглядов свт. Афанасия на функции и власть императора в Церкви. По мнению диссертанта, «совместить приоритет священства над царством с ответственностью монарха за порядок в Церкви св. Афанасий мог, только оставляя за собой как ее представителем права инициировать и направлять осуществление власти „внешнего работника“, к которой он прибегает как к крайней необходимости» (с. 119).

Четвертая глава выглядит case-study всей работы, поскольку анализирует титулатуру и императорские эпитеты в письмах св. Афанасия. Той же цели посвящено приложение, содержащее

русский перевод эпистолярного наследия константинопольского святителя.

Такова внешняя структура работы. Вся она, собственно говоря, построена на материале перевода писем свт. Афанасия, предваренных необходимым предисловием о положении Византии рубежа XIII—XIV вв. Наряду с достоинством, заключающимся во введении в русскую историческую науку нового материала, такой метод имеет и недостатки. Наиболее серьезным из них представляется совершенное отсутствие в рассматриваемой работе какого-либо анализа пост-унионального положения Византийской империи и Церкви (за исключением краткого упоминания гонений на св. Афанасия со стороны защитников Лионской унии до его избрания на константинопольский престол). Понятно, что об унии нет речи в письмах свт. Афанасия, вокруг которых строится предлагаемая работа, но если последняя носит широкое название «Церковь и государство в Византии на рубеже XIII—XIV вв.», то читатель вправе ожидать в ней хотя бы краткий разбор и данной темы. Тем более что целью императора Андроника II была попытка смягчить последствия униональной политики своего отца и даже, по мнению академика Ф. И. Успенского, «осуществлять крутую реакцию против унии, не считаться с папской курией и в то же время поддерживать с латинскими государствами скорее миролюбивые отношения»⁴. Такой поворот императорской политики произошел, напомним, после устранения внешней западной угрозы в связи со смертью Карла Анжуйского и проведения антиунионального Влахернского собора. Оба события произошли в 1285 году, т. е. как раз за четыре года до первого патриаршества свт. Афанасия, и именно в его время они принесли первые плоды.

Остальные замечания касаются, так сказать, читательского восприятия работы. Это относится к некоторой небрежности как

⁴ Успенский Ф. И. История Византийской империи в XI—XV вв. М., 1997. С. 528.

в стилистике (так, слово «оценка» появляется на первой странице семь раз, т. е. практически в каждом предложении), так и в оформлении работы (нам так и не удалось, к примеру, узнать, какое же издание скрывается под девятым номером в списке литературы).

В целом же хочется отметить положительное значение работы для изучения отдельных сторон истории Византийской Церкви в XIII—XIV вв. Несмотря на высказанные замечания автор, безусловно, достоин присуждения искомой ученой степени.

6.1. ОТЗЫВ профессора Б. А. НЕЛЮБОВА на кандидатскую диссертацию профессорского стипендиата иеромонаха ИОАКИМА (Манукяна) по кафедре Церковной истории на тему: «История богослужения Армянской Апостольской Церкви (V—XIV вв.) и его особенности в свете Православного Предания»

Кандидатская диссертация иеромонаха Иоакима (Манукяна) состоит из 148 машинописных страниц, включает 101 наименование библиографических указаний.

После краткого предисловия, в котором автор пишет об актуальности вышеупомянутой темы, о литургистах, посвятивших себя изучению армянского богослужения, о цели и методе работы, он приступает к раскрытию самой темы, начиная с суточного круга богослужения.

На протяжении всей истории Армянской Церкви, пишет иеромонах Иоаким, уже согласно источникам самого раннего периода богослужение делилось на суточный и годичный круг, в отличие от православного богослужения, в котором был еще и седмичный круг богослужения. Автор начинает с описания суточного круга, который формировался постепенно, начиная с 6-и и кончая 9-ю службами к настоящему моменту. При перечне служб и книг, по которым совершаются чинопоследования, он старается проводить параллель с православными анало-

гами, подчеркивая при этом, что стопроцентных совпадений ни с православными, ни с древними восточными Церквами не было. В разделе «История и чинопоследование суточных служб» изложен материал распределения псалмов по службам, составления канонов для каждого богослужения вместе с осмогласной их системой, седальнов (ипакои), антифонов, шараканов (ирмосов) и др. песнопений (с. 20—21, 27) со ссылкой при этом не только на армянские, но и вселенские авторитеты отдельных лиц (свт. Афанасия, Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста) и соборов.

Не обходит молчанием автор и богослужебные чтения из Ветхого Завета по переводу из Септуагинты в эпоху Месропа Маштоца (V в.) и из Нового Завета сирийской редакции Пешито, причем евангельские чтения распределяются по осмогласной системе и в зависимости от характера богослужения (с. 41—42). При перечне чинопоследований автор параллельно упоминает о сходстве некоторых молитвословий с православными (молитва Манассии — с. 24, «Свете тихий», «Единородный Сыне» и др.). Этих сходств можно было бы найти больше, однако из-за недостаточного знания славянского языка иеромонах Иоаким дает русский перевод, в котором с трудом все же можно найти сходство с армянским богослужением.

В разделе «Литургия Армянской Апостольской Церкви» автор отмечает (с. 74), что из переведенных на армянский язык литургий св. Василия Великого, Григория Богослова, Афанасия Великого, Кирилла Александрийского, Иоанна Златоуста в конце концов сформировался тип литургии Василия Великого, существующий ныне под названием Григория Просветителя. Автор повествует об изданных комментариях и толкованиях, сроках совершения литургии и о евхаристическом каноне.

К особенностям армянской литургии автор относит (с. 84) опресноки, не разбавленное водой вино, малый вход с евангелием вокруг престола, чтение Никейского символа веры с анафематизмом, отсутствие жертвенника и др. Сюда же можно отнести и

своеобразие годового круга богослужения в отношении совершения постов, праздников и таинств.

Изложенный материал довольно интересен и полезен, дан со ссылками на авторитетные труды прошлого и настоящей эпохи.

К сожалению, не удалось избежать некоторых погрешностей. Второй Вселенский собор (381) был в Константинополе, а не в Ефесе (с. 40). «Единородный Сыне» — это песнопение, а не тропарь (с. 33). Хотя и перечислены все семь таинств, которые признает Армянская Церковь, о таинствах покаяния и брака с их особенностями ничего не говорится.

Нет единообразия в терминологии. Автор пишет: «Фавст Византийский» (с. 81), «Павстос Бюзанд» (с. 5), «Фавстос Вюзанд» (с. 30); «католикос V в. Иоанн Мандакуни» (с. 43, 81, 132, 135) и «Ованес Мандакуни» (с. 37, 57, 58, 99); «Мовсес» (с. 61) вместо «Моисей»; применяет «Ованес Арчишеци» (с. 74, 81) и «Иоанн Арчишеци» (с. 80); «Мовсес Хоренаци» (с. 96, 97, 105) вместо «Моисей Хоренский». В одном месте (с. 77) говорится, что с IX века на армянский язык переведена литургия Преждеосвященных Даров, а в другом (с. 80) говорится, что о литургии Преждеосвященных Даров нет достоверных сведений. На с. 71, где говорится об авторстве выражения «Распныйся за ны» в Трисвятом, создается впечатление, будто «Петрос Фулос» и «Петр Гнавес» два лица. Это не так. Петрос Фулос по прозвищу Гнафевс (сукновал) был антиохийским патриархом (с. 471, 475—477, 485—488).

Имеются также грамматические ошибки в окончаниях, но их легко объяснить национальным происхождением автора. В конце работы нужно все-таки поставить подпись.

Несмотря на перечисленные недостатки, кандидатскую диссертацию можно оценить баллом «хорошо», при условии возможного исправления вышеуказанных погрешностей.

6.2. *ОТЗЫВ* профессора А. М. ПЕНТКОВСКОГО на кандидатскую диссертацию профессорского стипендиата иеромонаха ИОАКИМА (Манукяна) по кафедре Церковной истории на тему: «История богослужения Армянской Апостольской Церкви (V—XIV вв.) и его особенности в свете Православного Предания».

Диссертация иеромонаха Иоакима (Манукяна) посвящена изучению истории литургической традиции Армянской Апостольской Церкви, которая является одной из древнейших литургических традиций христианской Церкви и одним из основных источников при изучении древнейшего периода истории богослужения византийского обряда.

Диссертация состоит из краткого предисловия, пяти глав («частей»), краткого заключения и библиографии.

Во введении (с. 1—4) определена цель исследования, которой является «рассмотрение истории богослужения Армянской Церкви с научной точки зрения».

В первой части, озаглавленной «Суточный круг богослужения», описывается история формирования суточного круга богослужения с IV по XIII век (с. 6—12), а также перечислены богослужебные книги, которые используются в современной богослужебной практике Армянской Церкви (с. 12—13). Затем автор приводит сведения об истории использования псалмов Давида, библейских песен, а также некоторых древних гимнографических произведений (например, Ефрема Сирина) (с. 14—25), после чего переходит к изложению сведений об использовании библейских песен в богослужении и об оригинальных гимнографических сочинениях, использовавшихся в богослужении Армянской Церкви в Средние века (с. 25—33). Далее в работе приведены сведения о молитвах и диаконских ектениях (с. 33—39), причем автор одновременно рассматривает и «мелодизированные проповеди», называемые «кароз», и «кароз» — диаконские прошения, сопоставимые с прошениями ектении в византийской тра-

диции. В заключительной части первой главы автор рассматривает «богослужебное чтение», под которым он понимает чтение Священного Писания Ветхого и Нового Завета, и затем перечисляет различные периоды богослужебного года, с которыми связано чтение различных евангельских текстов (с. 39—42).

Вторая часть рассматриваемой работы озаглавлена «История и чинопоследование суточных служб» (с. 43—73). В этой части автор возвращается к теме, уже рассматривавшейся в предшествующей части, но в ином аспекте: после краткого перечисления различных авторов, тексты которых находятся в составе этой книги, исследователь подробно описывает современный (!) суточный круг богослужения Армянской Церкви, отмечая при этом древность различных песнопений, входящих в богослужение. Любопытно заметить, что на с. 67 автор пишет, что «Армянская Церковь имеет 9 богослужений суточного круга» (которые он и рассматривает), тогда как на с. 9 он пишет, что «в период с VI до XIII века число служб увеличилось с шести до восьми».

Третья часть рассматриваемой работы называется «Литургия Армянской Апостольской Церкви» (с. 74—84) и содержит различные сведения о переводах формуляров литургии, о происхождении современного формуляра литургии, затем опять о переводах евхаристических молитв, о днях совершения литургии и о некоторых особенностях совершения евхаристического богослужения в настоящее время.

Четвертая часть работы называется «Годичный круг богослужения» (с. 85—127), ее можно разделить на несколько разделов. Первый раздел содержит сведения о постах Армянской Церкви, в который, однако, включено описание богослужения Недели Ваий и Страстной седмицы (sic!, с. 88—92). Затем автор перечисляет главные праздники богослужебного года, ориентируясь при этом на современную богослужебную практику (с. 95—111), что подтверждает и краткий вывод исследователя о том, что «годичный круг богослужения очень развит в Армянской Церкви» (с. 111).

Второй раздел четвертой части содержит фрагментарные сведения об истории лекционария Армянской Церкви (с. 111—115), о некоторых гомилетических сборниках (с. 116—120), об армянских синаксарях (с. 120—124) и об армянском календаре (с. 125—127).

Пятая часть рассматриваемого сочинения называется «Место богослужения и облачения» (с. 128—140), в которой приводятся краткие сведения по истории армянской церковной архитектуры (с. 128—131), о чине освящения храмов (с. 131—133), о церковной утвари (с. 133—135) и современных церковных облачениях (с. 135—137). Завершается же этот раздел перечислением таинств Армянской Церкви (по современным представлениям) и отдельными замечаниями о совершении крещения, о поставлении в священник сан и о елеопомазании (с. 137—140).

В кратком заключении (с. 141—142) автор делает выводы, с которыми сложно не согласиться, о том, что «богослужение Армянской Церкви является древнейшим и богатейшим в христианском мире» и что «армяне имеют большое сходство с византийцами».

В библиографию на с. 143—148 входят различные работы по истории богослужения Армянской Церкви, большая часть из которых не была использована (судя по указаниям в сносках) в работе.

Краткий обзор содержания этой работы показывает, что она представляет собой скорее попытку описания современного богослужения Армянской Церкви с отдельными замечаниями о происхождении того или иного элемента этого богослужения, нежели систематическое описание истории богослужения Армянской Церкви в V—XIV вв. Так, в работе отсутствует необходимая во всяком историческом исследовании глава, посвященная описанию истории изучения армянской литургической традиции, отсутствует периодизация истории армянской литургической традиции и обусловленное этой периодизацией описание развития рассматриваемой литургической традиции, не затронутыми оста-

лись вопросы о связи истории богослужения с историей Армянской Церкви и Армянского государства. Например, не изложены основные этапы развития лекционария Армянской Церкви в рассматриваемый период, подробно разобранные в работе о. А. Рену (1986—1987, 1989), и не рассмотрены различия гимнографических текстов древнейшего периода (до появления восьмигласия) и после появления восьмигласия. Соответственно, в работе отсутствуют и выводы, содержащие результаты изучения (или же описания) развития армянского богослужения, а также характеристика особенностей этого богослужения в свете Православного Предания (предусмотренной темой исследования). Тем не менее работа не лишена некоторой информативности, так как она содержит различные сведения, не всегда доступные читателям, незнакомым с работами на армянском языке или же с современными западными исследованиями по истории армянской литургической традиции. Поэтому на усмотрение комиссии оставляется вопрос как об оценке этой работы, которая может быть признана удовлетворительной лишь при самом благожелательном отношении к ее автору, так и связанный с этой оценкой вопрос о присвоении ее автору искомой ученой степени.

7.1. ОТЗЫВ доцента протоиерея Максима КОЗЛОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии священника Василия ЯСЕНИЦКОГО по кафедре Церковной истории на тему: «Деятельность митрополита Андрея Шептицкого по установлению восточного обряда после 1917 года»

Диссертация священника Василия Ясеницкого носит название «Деятельность митрополита Андрея Шептицкого по установлению восточного обряда после 1917 года». Работа состоит из семи основных частей, приложений к каждой из этих частей, хронологий к каждой части, приложений общего характера, библиографии и фотографий.

Автор рассматривает жизнь митрополита Андрея Шептицкого при каждом из пап: при Пии X, Бенедикте XV, Пии XI, Пии XII. Автор рассматривает также и важные вехи истории того времени с точки зрения участия в этих событиях митрополита Андрея и Греко-Католической Церкви.

В работе приведены основные вехи жизни и деятельности видных лиц того периода, которые прямо или косвенно соприкасаются с униатским митрополитом: митр. Иосиф Семибратович, Леонид Федоров, Иосиф Слепой, Иосиф Пилсудский и др.

Методология, используемая свящ. Василием Ясеницким, состоит в обращении:

1) к источникам (документы и материалы: пап, Конгрегации по восточным делам, личные распоряжения митр. Андрея, переписка униатского митрополита с разными лицами по разным вопросам, материалы Конференции, протоколы заседаний Греко-Католической Церкви, материалы печатных и электронных СМИ);

2) к многочисленной вторичной литературе, представленной наиболее авторитетными работами по церковной и гражданской истории, биографическими исследованиями, необходимыми вспомогательными материалами.

Автор исследует как сочинения митрополита Андрея, в которых только затрагиваются вопросы восточного обряда наряду с другими проблемами, так и сочинения его исключительно по вопросу «восточного обряда».

Библиография к работе свящ. Василия Ясеницкого состоит из документальных источников, отдельно изданных документов, периодических изданий и литературы. Источники и литература на английском, немецком, украинском, русском и белорусском языках. Перечень украиноязычных работ, имеющих отношение к этой теме, в основном написанных по материалам архивов и библиотек университетов г. Львова.

В работе содержится 353 сноски, что позволяет, не загружая основной текст, иметь в ее составе значительный объем важной информации. В заключение работы автор приводит множе-

ство фотографий из жизни и деятельности Андрея Шептицкого и комментирует их. В отдельной статье к фотографиям автор останавливается на «судьбе» этих фотографий (где они находятся, какие сохранились, а какие были утрачены).

В целом диссертация производит очень благоприятное впечатление. Замечания к ней, которые можно было бы высказать, незначительны, и в данном случае приводить их не считаю нужным. Впервые на русском языке православным исследователем рассмотрена совокупная деятельность одного из виднейших деятелей греко-католичества и не в духе филокатолического соглашательства, и не в духе публицистического критиканства. Митрополит Андрей предстает в диссертации фигурой яркой, трагической, значительной и противоречивой, каковой он и был в действительности. Опираясь на подобные исследования, сделанные в стенах православной духовной школы, мы сможем без опасений за научную компетентность вести полемику с соответствующими католическими изысканиями в столь актуальной ныне области церковной истории.

Диссертация явно заслуживает того, чтобы быть опубликованной. Оценка «отлично».

7.2. ОТЗЫВ преподавателя Г. Е. КОЛЫВАНОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии священника Василия ЯСЕНИЦКОГО по кафедре Церковной истории на тему: «Деятельность митрополита Андрея Шептицкого по установлению восточного обряда после 1917 года»

Представленная священником Василием Ясеницким диссертация посвящена обзору жизни и деятельности виднейшего униатского иерарха первой половины XX века митрополита Андрея Шептицкого. Автор привлек значительное количество литературы, архивных материалов, уникальные фотодокументы. Диссертация представляет значительную ценность для изучающих исто-

рию униатства в XX столетии. Вместе с тем следует отметить ряд недостатков представленной работы.

1) Автор зачастую ограничивается пересказом источников и литературы без их критического осмысления. Авторская позиция по многим вопросам совершенно отсутствует. Иногда автор без каких-либо оговорок разделяет неприемлемые для православных мнения писателей-униатов. Впрочем, последнее замечание вызвано явно невнимательностью автора, а не его сознательной позицией.

2) Автор допускает погрешности в фактологии и хронологии событий:

а) В ряде случаев приводятся взаимопротиворечащие факты без надлежащих комментариев. Например, на с. 70 читаем: «...митрополита вывезли через Киев, Курск, Суздаль в Ярославль, где его удерживали в монастырской тюрьме». А на с. 75 узнаем, что митрополит Андрей — 23 сентября 1914 г. был в Киеве, 26 сентября вывезен в Нижний Новгород, 30 сентября переведен в Курск, 17 сентября 1916 г. (через два года!) переведен в Суздальский Спасо-Евфимиев монастырь, а 6 декабря — в Ярославль. А на с. 48 перемещения митрополита Андрея выглядят следующим образом: Киев — Нижний Новгород — Курск (где он пробыл до сентября 1916 г.) — Владимир — Суздаль.

б) Еще пример: две разные даты упразднения Холмской униатской епархии — 1875 г. (с. 55) и 1874 г. (с. 54).

в) Автор не раз упоминает, что митрополит Андрей последние годы жизни был прикован к коляске. В то же время приведенное в диссертации письмо митрополита Андрея позволяет в этом усомниться (с. 136). Может, письмо — фальшивка?

3) Автор диссертации порой забывает о сосуществовании до 1918 г. двух гражданских календарей: юлианского в России и григорианского в Австро-Венгрии. Некоторые даты приводятся им по старому стилю, другие по новому, без всяких оговорок.

4) На с. 127 читаем: в 1939 г. «немцы пытались любой ценой отобрать свои этнографические (?)» (правильнее „этнические“)

территории, которые Польше дал Версальский договор». Однако Познань и так называемая Западная Пруссия, отошедшие от Германии к Польше после Первой мировой войны, имели как раз преимущественно польское население.

5) Причины возникновения второй мировой войны изложены автором односторонне.

6) На с. 130 читаем, что после оккупации Галиции советскими войсками там были закрыты все монастыри. Это явно не соответствует действительности.

7) В диссертации присутствует большое количество стилистических ошибок, а также опечаток.

8) Наконец, основным, на мой взгляд, недостатком диссертации является нередкое отсутствие ссылок при цитировании.

Представленная священником Василием Ясеницким кандидатская диссертация может быть оценена баллом «хорошо». Однако следует обязать автора исправить во всех существующих экземплярах работы хотя бы наиболее курьезные опечатки.

Диссертация может быть рекомендована к публикации при условии переработки некоторых ее частей и значительной редакторской правки.

8.1. ОТЗЫВ доцента А. К. СВЕТОЗАРСКОГО на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2001/2002 учебного года священника Германа ГРИГОРЬЕВА по кафедре Церковной истории на тему: «Патриарший экзарх Латвии и Эстонии митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский)»

В предисловии к рассматриваемой работе автор пишет о том, что он «ставил перед собой цель дать систематическое и по возможности цельное представление о положении прибалтийских епархий во главе с Патриаршим экзархом Латвии и Эстонии митрополитом Виленским и Литовским Сергием (Воскресенским)...». Актуальность работы он видит в том, что «имеющиеся на сегодня

нышний день исследования по данной теме не позволяют дать полной, исчерпывающей и объективной оценки деятельности Патриаршего Экзарха на занятых землях». Кроме того, свою задачу автор видит и в том, чтобы представить личность экзарха как архипастыря, что, по мнению автора, не нашло отражения в работах его предшественников (с. 2).

Далее автор пишет о том, что он, «желая раскрыть перед читателем историческую правду, чуждую упомянутых научных кругов... для написания этого труда использовал не только работы известнейших православных историков, но и архивные документы, со страниц которых можно было слышать правдивый голос свидетелей исследуемого периода истории» (с. 3).

Итак, анонс многообещающий: представить положение экзархата, дать исчерпывающую и объективную (отличную от данных предшественниками) оценку личности митрополита, ввести и в научный оборот документальные свидетельства. Проследим, насколько ему удалось справиться с поставленной задачей.

И, увы, здесь мы сразу же столкнемся с противоречием, которое самим автором заложено в подход к избранной теме. Он сам (на с. 3) пишет о том, что многие архивные материалы, касающиеся личности митрополита Сергия, засекречены и по сей день. Но ведь совершенно очевидно, что без решения главного вопроса об отношениях экзарха с НКВД дальнейшее продвижение в заданном направлении обречено на неудачу.

Что же касается архивных материалов, то здесь возникает еще больше «недоуменных вопросов». Обзор источников (кстати, как и обзор литературы) в диссертации отсутствует. Да и вообще новых архивных материалов совсем немного. Так, на с. 67—72 автор цитирует документы из архива ФСБ.

На с. 109 — документ из архива прокуратуры Латвии (б. арх. КГБ ЛССР). И на с. 150 содержится любопытная цитата из документа, хранящегося в том же архиве. Вот, пожалуй, и все. Остальные (достаточно многочисленные) материалы, использованные в диссертации, цитируются по работам других исследова-

телей. См.: с. 6, 8, 21, 22, 34, 77, 90—91, 142, 144, 156, 159, 163, 189.

Одна из ссылок на архивные материалы выглядит несколько комично. На с. 114 автор приводит общеизвестный афоризм, приписываемый генералу Врангелю («хоть с чертом, но против большевиков»), и дает при этом ссылку на материал из ф. 5796 ГАРФ. Что за документ он цитирует? И нужна ли здесь вообще ссылка?

Зато в тексте работы содержится немало безадресных цитат: с. 7—8, 99 (предпол. абзац), 101, 142 (2-й абз. сверху), 163 (2-й абз. сверху).

Правда, в приложении к диссертации (с. 201—251) представлены тексты интересных документов. Возникает вопрос: знаком ли автор с их содержанием? К тому же все эти материалы не атрибутированы. Создается впечатление (на основании всего указанного выше), что автор не приобрел навыка работы с архивными материалами и, столкнувшись с массивом исторических документов, просто перенес их в приложение, вместо того, чтобы использовать их в своей работе. И поэтому пошел по проторенной дорожке. Освещая тот или иной аспект рассматриваемой проблемы, он идет за предшественниками, постоянно ссылаясь (отдадим ему в этом должное) на их труды.

Еще один недостаток работы — обильное цитирование используемой литературы. Порой создается впечатление, что работа «соткана» из цитат. См.: с. 8—10, 25—26, 29—32, 44—46 и далее по тексту.

Встречаются в тексте работы и неточности. На с. 74 — «свентицкий» вм. «Свентицкий», на с. 85 «Ротмиров» вм. «Ратмиров». На с. 135 — «Светлые горы» вм. «Святые».

Все отмеченное выше парадоксальным образом переключается с авторской оценкой собственного труда, высказанной все в том же предисловии: «Представленный на суд читателей труд не претендует на полноту исследования и не ставит перед собой задачи дать окончательную оценку экзарху и возглавляемой им Церквю

Прибалтики в указанный период», — пишет сам автор, правда, входя в противоречие с цитированным выше утверждением о целях и задачах своей работы. И далее он же пишет: «Автор лишь приводит факты по тому или иному спорному вопросу, оставляя окончательное решение на суд истории».

И с этим утверждением нельзя не согласиться. Работа носит компилятивный характер. Действительно, автор собрал почти все, что можно отнести к личности митрополита Сергия (Воскресенского). В своих суждениях он объективен и осторожен. Хорошо ориентируется в рассматриваемом им периоде церковной истории. Не замалчивает информацию и не избегает «острых углов». И в этом — несомненные достоинства представленной им работы, которая может быть признана удовлетворительной.

8.2. ОТЗЫВ профессора протоиерея Владислава ЦЫПИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2001/2002 учебного года священника Германа ГРИГОРЬЕВА по кафедре Церковной истории на тему: «Патриарший экзарх Латвии и Эстонии митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский)»

Рецензируемая диссертация, объемом 280 страниц, из которых авторский текст составляет 200 страниц, а остальное — приложения (тексты документов, переводы немецких документов на русский, иллюстративный материал), состоит из введения, 12 глав и заключения. Список источников и литературы, неверно озаглавленный «списком источников», включает 99 наименований.

Работа священника Г. Григорьева посвящена главным образом важнейшему периоду в деятельности митрополита Сергия (Воскресенского) — его служению в должности экзарха в Прибалтике. При этом автор успешно решает свою основную задачу — митрополит Сергей, один из крупнейших русских иерархов XX столетия и в то же время лицо пререкаемое, представлен у него

достоверно, разносторонне как исключительно масштабный церковный деятель выдающихся способностей, при всей сложной ситуации, в которой он оказался на оккупированной немцами территории, сумевший сохранить каноническую связь Экзархата, во главе которого он стоял, с Московской Патриархией. Диссертант не идеализирует его, не замалчивает его недостатков, но при этом в целом работа носит апологетический характер, и это уместно и справедливо.

С жизнью и деятельностью митрополита Сергия связан ряд вопросов, на которые у историков окончательных ответов нет. Диссертант не торопится ставить все точки над *i*, не располагая для этого достаточными материалами, но приближается к разгадке этих вопросов.

Один из них — связь митрополита Сергия с НКВД в довоенные годы. Ответ диссертанта, с которым вполне можно согласиться, на этот вопрос таков: вероятность таких связей высока, но при этом митрополит Сергей действовал в интересах выживания Русской Церкви.

Второй вопрос — о санкции на то, чтобы митрополит Сергей остался со своей паствой при немецкой оккупации Прибалтики и для этого избежал эвакуации. Диссертант считает весьма вероятным, что это было сделано по договоренности с Местоблюстителем Патриаршего Престола митрополитом Сергием; версию же М. Шкаровского о том, что он остался в Риге по заданию НКВД (у Шкаровского это, впрочем, тоже только версия, он не настаивает на ней категорически) диссертант не считает убедительной, хотя и не исключает ее вполне.

Наконец, об убийцах митрополита Сергия. Диссертант убедительным образом показывает, что вину за его убийство несут германские спецслужбы, а не советские партизаны; при этом диссертант приводит и иную точку зрения, принадлежащую протоиерею Н. Трубецкому, но не считает ее основательной.

Достоинством работы являются исчерпывающие знания литературы по теме и использование архивных документов, при этом

значительная часть относящихся к теме архивных фондов и дел осталась недоступной диссертанту ввиду их закрытости.

Практические замечания рецензента носят в основном частный характер.

1) На с. 9, где охарактеризовано положение Церкви во второй половине 1930-х гг., автор пишет: «Не желая приступить к прямым гонениям, власти решились на создание многочисленных сфабрикованных дел». Мы сейчас происходившее тогда обыкновенно как раз и называем прямыми гонениями на Церковь. Диссертант, очевидно, имел в виду, что в делах против клириков и мирян им инкриминировались преступления политического и уголовного характера, а не исповедание православной христианской веры; но следовало бы выразить эту мысль более ясно, иначе у некоторых читателей возникает недоумение.

2) На с. 11 написано об увеличении числа храмов Московской Патриархии с 1939 г. на 40%; но из приведенных тут же и выше конкретных данных видно, что оно увеличилось многократно.

3) На с. 13 можно отметить хронологическое смещение: автор пишет вначале о крайне трудном положении Патриаршего Местоблюстителя в мае 1941 г., а затем об изменении ситуации к лучшему в 1939—1941 гг. Может быть, вместо мая 1941 г. следовало читать: канун Второй мировой войны, т. е. лето 1939 г.

4) На с. 16 упомянуты «крестоносцы и их потомки»; потомки у крестоносцев (Тевтонский орден, меченосцы, Ливонский орден) могли появиться только в результате Реформации, когда орден был упразднен, поскольку рыцари этого ордена давали обет безбрачия.

5) На с. 18 чрезмерно категорично говорится о курсе на искоренение всего русского и православного в прибалтийских государствах в период между двумя мировыми войнами — все-таки одним из президентов Эстонии был православный.

6) На с. 28 митрополит Сергей назван предшественником по кафедре митрополита Августина (Петерсена); но Августин занимал Рижскую, а митрополит Сергей — Виленскую кафедру, при

этом имея пребывание в основном в Риге, где был центр Экзархата.

7) К с. 37—39. Диссертант обнаруживает излишнее доверие к маловероятной версии участия митрополита Илии (Карамы) в событиях Отечественной войны, он цитирует С. Фомина, не выражая критического отношения к приводимой им истории, которого та заслуживает.

8) На с. 41 диссертант, уместным образом показав оккультные интересы и опыты нацистов, цитирует священника Сергея Кондакова, который пишет всерьез о том, что благодаря магическим действиям Гитлер добился власти. Следовало бы и к этому рассуждению отнестись более критически.

9) На с. 59 Р. Гесс и М. Борман названы последовательными врагами Церкви; до конца войны они «добивались скорейшего разгрома церковных структур»; Борман мог этого добиваться до конца войны, но не Гесс, который с 1940 г. находился в руках англичан.

10) В главе «Религиозная сущность нацизма» отношение нацизма к христианству представлено в основном верно, но сложности германской государственной религиозной политики и ее внутренние противоречия объяснялись и таким обстоятельством: в фашистской Германии не было идеологического контроля нацистской партии над армией и государственным аппаратом; этот контроль был только политическим. Например, до покушения на Гитлера в армии — генералы договорились об этом с Гитлером в 1933 г., соглашаясь на его власть в стране, — запрещалась деятельность всех партий, в том числе и NSDAP, запрещалась в армии и нацистская пропаганда, в отличие от войск СС, которые подчинялись партии.

11) На с. 63 перечислены вожди III Рейха, покончившие с собой; при этом опущено упоминание о Геббельсе, который застрелился вместе с женой, причем перед самоубийством они убили своих детей.

12) На с. 112—114 прогерманская и даже прямо профашист-

ская ориентация представлена как преобладавшая в среде русской эмиграции, думаю, что это не так, хотя, конечно, здесь нет возможности прояснить вопрос статистически.

13) На с. 117 НТС расшифрован как «Национальный трудовой союз», надо — «народный».

14) На с. 119 в цитируемом документе Власов говорит, что учился в Нижегородской семинарии у Патриаршего Местоблюстителя; это, конечно, невозможно. Может быть, ошибка Власова связана с тем, что в семинарии помнили, что митрополит Сергей некогда учился в той же семинарии, хотя и никогда не преподавал в ней. Диссертанту тут следовало бы указать на эту ошибку памяти Власова.

15) На с. 137 упомянуты средние школы на оккупированных территориях; в общем порядке среднее образование для жителей оккупированных областей было запрещено; дозволялись начальные и низшие школы; да и из контекста видно, что фактически речь идет не о полном среднем образовании. Этот запрет не касался гимназий в городах Прибалтики, но в данном месте речь идет о территории, где действовала Псковская миссия.

16) На с. 158 автор диссертации, явно преувеличивая, пишет о том, что храмы, открываемые на оккупированных территориях, становились центрами сопротивления оккупантам. Из конкретного материала, который содержится в диссертации, этого не вытекает; но отдельные случаи участия священнослужителей в подпольной борьбе имели место.

17) На с. 156 диссертант, как это делают часто и другие авторы, пишет: «архиепископ Иоанн (Поммер), ныне священномученик». Но разве это принципиально отличается от «архиепископ Кесарии Каппадокийской Василий, ныне святитель»?

18) На с. 174 приведен перечень русских газет и журналов, которые выходили на оккупированной территории, в пределах Экзархата, и сказано, что их было больше, чем на советской территории. Конечно, больше, поскольку на советской территории только с конца 1943 г. стал выходить единственный церковный

журнал: ЖМП; но с другой стороны, судя по названиям, только некоторые из этих изданий были собственно церковными. Газета «Правда», «Доброволец», «Вольный пахарь», наверно, не были официальными изданиями Экзархата.

19) На с. 190 проведена параллель между убийствами митрополитов Сергия (Воскресенского) и Алексия (Громадского). Но митрополит Алексей, вероятно, убит был не немцами, а бендеровцами, и не по заданию немецких властей, а по их собственной инициативе; в ту пору бендеровцы уже воевали против немецких оккупационных частей.

20) На с. 193 написано, что архиепископ Пантелеимон (Рожновский) возглавлял Украинскую Церковь. Этот иерарх носил титул митрополита и возглавлял Белорусскую Церковь. Может быть, речь идет тут о другом Пантелеимоне, фамилия которого Рудык?

Можно еще отметить, что автор иногда называет свидетелями авторов исторических работ; например, «как свидетельствует М. Шкаровский», что, конечно, неуместно.

Отмеченные здесь недостатки не носят принципиального характера и не препятствуют тому, чтобы оценить диссертацию высоко. Есть все основания присвоить ее автору степень кандидата богословия.

9.1. ОТЗЫВ профессора В. М. КИРИЛЛИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Александра ЗУЕВА по кафедре Филологии на тему: «Оценка литературных трудов преподобного Иосифа Волоцкого в церковной и светской историографии»

Рецензируемая диссертация представляет собой историографический обзор отечественных и зарубежных научных исследований XIX—XX веков, посвященных литературному наследию святого преподобного Иосифа, игумена Волоколамского, знаменитого деятеля Русской Православной Церкви конца XV—начала XVI

столетия. Такое исследование давно назрело и, в сущности, является результатом первого опыта по собиранию, осмыслению и обобщению накопившихся за весьма длительное время различных и нередко противоречивых мнений о составе всего написанного преподобным Иосифом и его идейно-художественных достоинствах, а также отчасти об общественном или церковно-государственном значении взглядов и деяний святого. Так что уже в силу своей актуальности означенный труд А. Зуева имеет несомненный смысл.

Работа диссертанта построена традиционно и логично. Состоит из введения, двух глав и заключения, снабжена значительной библиографией. Автор диссертации довольно основательно подошел к решению поставленных задач, он изучил весьма широкий круг изданной научной литературы, тем самым проявив похвальную исследовательскую добросовестность и педантичность. Мне представляется, что ему вполне удалось раскрыть перед взором читателя многоплановую и разнохарактерную панораму развития церковного и гражданского историко-филологического знания об Иосифе Волоцком как древнерусском писателе. В своем образе А. Зуев использовал, прежде всего, хронологический метод, описывая посвященные преподобному игумену исследования в порядке их появления в печати, а также держался конфессионально-гражданского принципа, разделив всех ученых авторов по их принадлежности или не принадлежности к науке церковной или светской, а также свободной или несвободной от консервативной, либерально-демократической или же марксистско-ленинской идеологии. Прослеживая историю научного освоения литературного наследия преподобного Иосифа, диссертант пересказывает содержание опубликованных работ, по необходимости воспроизводит из них выдержки, отмечает заслуги исследователей по изданию тех или иных литературных творений волоколамского игумена, констатирует удивительный разброд оценок: одни исследователи выступали как апологеты Иосифа, другие — как его непримиримые критики; некоторые считали его консерватором,

некоторые — новатором; иные полагали, что его литературные труды неоригинальны, а иные находили их оригинальными и талантливыми. Вместе с тем в своей оценке рассматриваемых исследований и исследователей А. Зуев стремится быть беспристрастным и объективным. Все это позволило ему прийти к вполне справедливым выводам о недооценке литературного наследия прп. Иосифа, имевшей место и в дореволюционную, и в советскую историографические эпохи, а также относительно возникшей теперь возможности поистине научного устранения известных мифов, заслоняющих живой облик подвижника православия, который сыграл действительно важнейшую и положительнейшую роль в русской церковной, государственной и культурной истории.

Конечно же, рецензируемое диссертационное сочинение не лишено недостатков. Прежде всего это касается литературного стиля автора. В некоторых местах его изложение характеризуется какой-то детской наивностью, а подчас и неясностью мысли. Вообще представляется, что собственно аналитический компонент в его обзоре мог бы быть более весомым. Вызывает также недоумение то, что диссертант почему-то отнес к числу гражданских историков профессоров К. И. Невоструева, П. В. Знаменского и А. П. Доброклонского, которые хотя и были признаны как ученые в гражданском научном сообществе, но и по своему образованию, и по своим главным трудам и интересам представляли все-таки церковно-историческую науку, подобно, например, Е. Е. Голубинскому (который отнесен-таки к категории церковных ученых). Наконец, в диссертации, к сожалению, весьма бегло упоминается издание «Просветителя» Иосифа Волоцкого, осуществленное Казанской духовной академией, и, соответственно, незаслуженно мало места уделено предпринявшему этот труд профессору И. Я. Порфирьеву, а именно — его предваряющему указанное издание исследованию о памятнике, а также разделу о последнем в известном курсе «Истории русской словесности» (Ч. 1. Казань, 1870).

Полагаю, однако, что отмеченные недостатки не зачеркивают общего положительного качества диссертации. Они отражают и писательскую неопытность ее автора, и его недостаточную профессиональную историческую подготовку, совершенно необходимую для предпринятого аналитического обзора, и, конечно же, упущения научного руководителя, которому еще на этапе черновой работы своего подопечного следовало бы быть более внимательным и придирчивым. Как бы то ни было, представленное к защите сочинение все же является интересным и полезным. Это неплохое подспорье и для учебных курсов по истории Русской Православной Церкви, и для тех исследователей, кто в дальнейшем специально обратится к личности и творчеству святого Иосифа. Несомненно, работа состоялась и заслуживает положительной (хорошей) оценки. Соответственно, и ее автор, Александр Зуев, вполне достоин степени кандидата богословия.

9.2. ОТЗЫВ доцента А. К. СВЕТОЗАРСКОГО на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Александра ЗУЕВА по кафедре Филологии на тему: «Оценка литературных трудов преподобного Иосифа Волоцкого в церковной и светской историографии»

Данная диссертация, объемом 172 с., имеет следующую структуру: введение, две главы основного содержания, каждая из которых включает в себя отдельные разделы, заключение, список сокращений и библиографический список использованной литературы.

В первой главе, посвященной изучению и оценке литературного творчества прп. Иосифа Волоцкого в исследованиях дореволюционного периода, рассмотрены труды основных церковных и гражданских исследователей.

Во второй главе рассмотрены послереволюционные труды основных зарубежных историков-эмигрантов, а также советских и современных авторов.

Свою основную задачу автор видит в попытке впервые обратить внимание на общий ход совместного рассмотрения и церковного, и светского подходов в оценке литературного наследия преподобного. Целью данного исследования явилась попытка изучения с позиций современности того, как оценивалось это наследие церковными и светскими исследователями в контексте исторических реалий, которыми было обусловлено направление их деятельности. Поставленная цель реализована в диссертации посредством конкретного анализа церковных и светских научных работ, опубликованных в дореволюционный период и после революции. Избранный по означенной теме материал впервые стал предметом комплексного исследования. Изучение этого историографического материала позволило автору определить широту спектра различных мнений и оценок исследователей применительно к письменному наследию прп. Иосифа в контексте их исторического возникновения.

Представленная диссертация охватывает наиболее важные и специфические оценки различных авторов, и раскрытие их дается, как правило, на должном уровне.

Тем не менее к работе имеется и ряд замечаний.

На с. 14 есть указание на статью в журнале «Православный собеседник» за 1860 г., но отсутствует сама ссылка, которую неплохо бы привести.

Автор диссертации подробно останавливает внимание на дореволюционных исследованиях священника Н. А. Булгакова и И. П. Хрущова. Описывая их исследовательские результаты, он допустил некоторые повторения, хотя и незначительные, но вызывающие утомление у читателя. Особенно это проявилось в разделе, включающем в себя результаты исследований И. П. Хрущова, некоторые из которых уже приводились в разделе о научных данных, полученных священником Булгаковым.

В разделе «Некоторые замечания к дореволюционной историографии» на с. 90 приводится ссылка на 2-е издание «Просветителя» и упоминается о вступительной статье к нему известного

литератора И. Я. Порфирьева. Саму эту вступительную статью автор диссертации оставляет вне поля зрения. Было бы неплохо подробнее остановиться на ней свой взор, так как в статье также имеются некоторые данные, относящиеся к «Просветителю».

На с. 124, 148 упоминается о некоторых относящихся к творчеству прп. Иосифа оценочных замечаниях советского филолога И. П. Еремина, который посвятил этому творчеству специальную статью «Иосиф Волоцкий как писатель»⁵. Автор настоящей диссертации косвенно ее затронул. Несмотря на данную в ней негативную оценку, характерную для советской эпохи, желательно было бы подробнее ее рассмотреть и отдельные выводы включить в настоящую работу, например, в раздел 2.2.

К замеченным недостаткам можно отнести тот факт, что в своей работе автор в качестве связки неоднократно упоминает «см. выше», «см. ниже», что вызывает определенные неудобства. Желательно бы, кроме того, указать в настоящей работе страницы.

В целом же, подводя итог, можно констатировать, что автором проделана достаточно большая работа по изучению и собиранию воедино всех наиболее важных, по его мнению, чрезвычайно разрозненных и часто противоположных по своей сути оценочных сведений о сочинениях прп. Иосифа Волоцкого, полученных на основании исследования историографической литературы XIX—XX веков.

В заключительной части, как принято в диссертационных работах, автором хорошо сформулирована наиболее актуальная проблематика для дальнейших научных исследований в данной области.

Несмотря на перечисленные недочеты, диссертационное исследование «Оценка литературных трудов преподобного Иосифа Волоцкого в церковной и светской историографии» безусловно обладает немалыми достоинствами. Представленная диссертация

⁵ Еремин И. П. Иосиф Волоцкий как писатель // Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959. С. 3—18.

заслуживает хорошей оценки с присуждением автору искомой степени кандидата богословия.

10. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ТИХОНА (Зимина) на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Евгения ТКАЧЕВА по кафедре Филологии на тему: «Св. Исихий, пресвитер Иерусалимский, и его гомилетическое наследие».

Настоящая дипломная работа представляет из себя труд значительного объема (145 страниц) и большой сложности. Он явно превышает «меру» дипломного сочинения и приближается к кандидатской диссертации.

Текст делится на две части: первая — это исследование жизни, творений и, особенно, гомилий Исихия Иерусалимского, вторая — перевод всех сохранившихся его гомилий. Не скрою, что первоначальным замыслом данной работы был именно перевод, снабженный краткой вступительной статьей. Но материал так увлек Евгения, что краткая статья выросла до размеров самостоятельной работы, а текст перевода превратился в приложение к работе. Безусловно, такая метаморфоза не может не радовать руководителя этой работы.

Важная характерная черта этой работы — ее абсолютная актуальность. Русскоязычный читатель ранее не мог познакомиться ни с творениями св. Исихия (за исключением одного краткого слова на Пасху), ни с подлинными обстоятельствами его жизни. Теперь оказался переведенным весь корпус св. Исихия, помещенный в TLG, самом авторитетном и доступном на сегодняшний день собрании текстов на древнегреческом языке. Конечно, вполне очевидна зависимость Е. Ткачева от М. Обино, западного исследователя и публикатора текстов Исихия Иерусалимского. Но этот факт следует скорее отнести к достоинствам данной работы, так как невозможно за короткое время повторить изыскания, являющиеся плодом жизни ученого-патролога, а следу-

ет, воспользовавшись уже найденным, по возможности продвигаться вперед.

Следует отметить, что необходимым условием выполнения перевода с древнегреческого являлось самостоятельное завершение изучения Евгением грамматики языка в связи с тем, что, к сожалению, этого не удастся сделать студентам Семинарии в рамках существующего курса. Этим обусловлено и малое количество переводов с греческого языка, поскольку на сегодняшний день это доступно лишь одаренным студентам, способным к самостоятельной кропотливой работе.

Исследование о св. Исихии состоит из введения, двух глав, заключения, списка источников и литературы, перечня сокращений. Во введении автор разъясняет, что текст под названием «О трезвении и добродетели», включенный в «Добротолюбие» св. Феофаном Затворником под именем Исихия Иерусалимского, по совокупному мнению современных ученых принадлежит совершенно другому Исихию, жившему гораздо позже. Таким образом, наши соотечественники не были до недавнего времени вообще знакомы с произведениями Исихия Иерусалимского на русском языке. Далее обосновывается общий план работы, приводятся основные источники.

В первой главе собраны все сохранившиеся свидетельства о жизни Исихия Иерусалимского и его посмертном почитании, обзор произведений святого (кроме проповедей), влияние, оказанное наследием св. Исихия на последующую традицию, общий обзор его гомилетического наследия.

Вторая глава посвящена анализу текста гомилий, который произведен синтетическим методом: специфика проповедей св. Исихия в контексте святоотеческой традиции его времени с особым упором на выяснение экзегетического метода и учетом особенностей риторического дискурса; Святая Земля в текстах проповедей Исихия Иерусалимского; христология и сотериология св. Исихия; сквозные образы и метафоры, присущие гомилиям Исихия в целом, данные в широком контексте близких к св. Иси-

хию текстов. В заключении подводятся основные итоги исследования.

В приложении 1 даются краткие сведения о прп. Исихии Синайском, предполагаемом авторе текста из «Добротолюбия», приписываемого св. Исихию Иерусалимскому, и его сохранившихся произведениях.

Приложение 2 является переводом всех опубликованных гомилий Исихия Иерусалимского, как безусловно подлинных, так и сомнительных.

Как и всякая работа, данный труд не лишен недостатков, которые, впрочем, обусловлены неопытностью автора в написании объемных научных исследований. Часто стиль автора, его риторический пафос напоминают скорее ученическое сочинение, чем научную статью. К числу недостатков, очевидно, относится недостаточно пространная цитация греческого и латинского текста оригинала. В русский текст перевода вставляются лишь одно — два слова в формах, часто не соответствующих русскому синтаксису, что, впрочем, вполне естественно. Гораздо лучше было бы давать в сносках полный текст приводимых цитат на языке оригинала. Тогда перевод автора можно было бы сопоставить с текстом первоисточника.

В тексте первой части работы (посвященной наследию св. Исихия) присутствуют многочисленные опечатки, несогласованности фраз и т. п. Они, безусловно, вызваны недостатком времени, оставшегося на написание исследования, после завершения работы над переводом.

Качество произведенного перевода, в целом, заслуживает самой высокой оценки. Однако существуют в нем и определенные недостатки. Во-первых, стилистически перевод избыточен церковнославянизмами, часто неоправданными и не вполне понятными для современного читателя. Во-вторых, в некоторых объективно трудных для перевода местах автор позволяет себе упростить мысль св. Исихия (с. 72, 84, 115). В-третьих, в случаях цитации Священного Писания автор не указывает точно, когда

он пользуется синодальным переводом, а когда самостоятельно переводит текст Писания.

Несмотря на указанные недостатки, данная работа заслуживает самой высокой оценки, а текст перевода после незначительной правки может быть опубликован.

11. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ДИОНИСИЯ (Шленова) на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Бориса ТИМОФЕЕВА по кафедре Филологии на тему: «Перевод первой книги „Моралии на Иова“ (Moralia in Job) свт. Григория Двоеслова, папы Римского»

Богословское наследие свт. Григория Двоеслова остается пока что недостаточно изученным в русской патрологической науке. Не в последнюю очередь данная ситуация связана с тем, что многие сочинения святителя не переведены на русский язык, а изучение латинского языка только возрождается в течение последних лет в Духовных учебных заведениях РПЦ. Среди непереведенных сочинений экзегетические труды, и в первую очередь нравственное толкование на книгу Иова, получившее название *Moralia*. В данной дипломной работе, начинающей целый ряд дипломных работ по переводу этого обширнейшего труда свт. Григория, предпринята попытка перевести 1 из 35-ти книг *Моралий*. Труд сколь важный, столь кропотливый и тяжелый. Знакомство с экзегетическим методом свт. Григория позволит значительно глубже вникнуть в экзегетическую традицию Западной Церкви. Бытует не совсем несправедливое мнение о большем практицизме Рима по сравнению с умозрительностью и созерцательностью греков. Однако толкование свт. Григория свидетельствует о том, что аллегорический подход, отличающийся высоко умозрительным характером, весьма укоренился и на Западе.

Дипломная работа Тимофеева Бориса состоит из 2-х частей:

I. Общего введения как в творчество свт. Григория в целом, так и в 1-ю книгу «*Моралий*»;

II. Перевод на русский язык 1-й книги «*Моралий*».

Общий объем работы составил почти 3 авторских листа, общий объем перевода — более 2 авторских листов. После работы приведен список литературы.

В целом работа написана на достойном уровне. План ее соответствует принятой в патрологии схеме: биография того или иного отца, сочинения, их содержание. При этом, как и подобает, наибольшее внимание уделено переводимому трактату; предпринята попытка проанализировать стиль автора, что, при отсутствии или недоступности базовых трудов по данной теме, свидетельствует о стремлении автора к творческому решению поставленных задач. В оформлении автор исключительно аккуратен, библиографические ссылки корректны, при указании сочинений авторов он ставит номер по «Ключу латинских отцов». Непроверенных или слепых ссылок нет. Для написания статьи были привлечены все возможные источники на русском языке и вступительная статья из серии «Христианские источники» (SC 32b).

К недочетам введения следует отнести слишком краткий очерк экзегетической традиции на Западе до свт. Григория⁶ и отсутствие раздела о влиянии святителя. Помимо названных авторов (Оригена, св. Амвросия Медиоланского, свт. Иоанна Златоустого, блж. Иеронима и Августина), которые непосредственно трактовали книгу Иова, можно было бы упомянуть о посвященных другим книгам Священного Писания экзегетических трудах Илария Пиктавийского (Толкования на Матфея, на псалмы, О таинствах) и Марии Викторина (Толкования на послания к Ефесянам, Галатам, Филиппийцам, Коринфянам). Автор пишет о нравственном подходе свт. Григория как об его исключительной

⁶ Сведения, приведенные ниже, заимствованы из 4-го тома патрологии, изданной авторским коллективом патристического института Августинианум (Рим): *Patrology. Vol. IV. The Golden Age of Latin Patristic Literature. From the Council of Nicea to the Council of Chalcedon / Edited by Angelo de Bernardino with an introduction by J. Quasten. Transl. into English by Rev. Placid Solari, O. S. B. Westminster, Maryland, 1986.*

особенности, в то время как нравственный подход отличал уже толкование на книгу Иова (*Commentarius in Iob*), которое появилось на Западе под именем арианствующего Максимиана (автор диплома о нем ничего не говорит, хоть и мог бы оправдаться тем, что пишет об Оригене, которому некогда приписывалось и это толкование. Но у Оригена есть и свой собственный комментарий, изданный не полностью, на который и сделана соответствующая ссылка). Максимиан писал в кон. IV в., по собственному свидетельству он был на несколько лет младше блж. Августина, оставил толкование на Иова (книга Иова толкуется до 19 стиха 3 главы) наряду с толкованиями на ев. Матфея и на ев. Луку (*Opus imperfectum in Mattheum, Tractatus in Lucam*). Несмотря на ряд интерпретаций в поддержку арианского учения, толкование на Иова представляет наибольшую ценность именно своим нравственным комментарием, причем столь сильным, что по сравнению с ним аллегоризм уходит на второй план.

Также автор пишет, ссылаясь на западного исследователя: «Иов изображает Христа, его друзья — еретиков, но нельзя сказать, что он повторяет чье-то толкование» (с. 9). Однако в толковании Максимиана, в частности, сравнение Иова со Христом занимает центральное место, что тоже следовало бы учесть. Если бы автор постарался провести сопоставительный анализ всех отцов, писавших о книге Иова, его утверждение (возможно, уточненное) стало бы звучать более убедительно.

Другим недочетом, а вернее, своеобразной «перспективой» вступительной части является отсутствие краткого экскурса в нравственное учение свт. Григория как таковое. В будущем автор мог бы попытаться его реконструировать, как минимум, на основании 1-й книги, как максимум — в более широком контексте других книг Моралий, а также и в связи с прочими сочинениями римского святителя.

Теперь перейдем к анализу второй части. Перевод выполнен автором точно по латинской патрологии Миня; критическое издание текста в серии SC стало доступно переводчику только после

завершения основной работы и было им отчасти учтено. За рядом печатных страниц стоит много месяцев регулярных переводческих трудов. При этом Б. Тимофеев не стремится к дословности и пытается передать мысль свт. Григория не в ущерб русской стилистике. Многие переводческие решения можно признать весьма удачными, как, например: «Подумаем, как благочестив был этот славный муж, который так был предан искреннему послушанию Богу» (с. 19) вместо более тяжеловесной латинской фразы.

Однако иногда переводчик, пытаясь сохранить русскую стилистику, впадает в противоположную крайность: слишком храбро делит длинные предложения на более короткие, несколько произволен в авторской терминологии, не всегда соблюдает времена и числа (например «Бояться Бога означает то, чтобы всякое доброе дело, которое необходимо совершить, не оставлять без должного внимания». С. 18, хотя речь идет о делах), что в целом не снижает качества перевода.

Переводчик не всегда находит адекватные выразительные средства для латинских выражений. Он переводит *saeculari habitu melius contegi* «лучше быть светским [человеком]», в то время как речь идет о ношении светского платья (с. 11). Иногда в переводе пропадает стройная схема латинского текста. Так, например, «Жертвоприношение — благочестивое дело (*sancta actio*), и в повседневном его совершении открывается постоянство в добродетели (*sanctae actionis*)» вместо «В жертвоприношении — благочестивое дело, и в повседневном его совершении открывается постоянство дела благочестия» (с. 21).

Иногда Б. Тимофеев пропускает фразы. Напр., он переводит: «затем здание ума возводим к содержанию веры», опустив средство, указываемое свт. Григорием: *per significationem typicam* (с. 13). Во фразе «он беспокоился о них [чадах] по поводу одного только [их] образа мысли» неоправданно опускает слово «Отец» (*Pater*) (с. 21).

Из технических недочетов. Переводчик не указал, является ли свт. Григорий автором названий глав. Конечно, в самой латинской

патрологии не найти никаких указаний, но можно было бы заглянуть в «Христианские источники», и если там нет этих заголовков, то отказаться от авторства святителя. Но в любом случае необходимо было бы сделать примечание.

В целом можно отметить, что дипломная работа выполнена на высоком уровне и заслуживает высшей оценки. После определенной доработки она могла бы быть рекомендована к публикации. А ее автор при поступлении в Академию ради наибольшей пользы академической науки должен был бы избрать Библейское отделение, на котором планируется интенсивный курс по святоотеческой экзегетике.

12. ОТЗЫВ доцента В. Д. ЮДИНА на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии Алексея ПЕТУХОВА по кафедре Церковной истории на тему: «Обзор книги И. К. Смолича „Русское монашество“»

Прошло более трех десятков лет со дня кончины церковного историка русского зарубежья И. К. Смолича, но до сих пор нет обстоятельного труда об его творчестве. Нам известны только одна вступительная статья к его восьмой книге в двух частях в «Истории Русской Церкви», посвященной Синодальному периоду, и рецензия под названием «Книги о Русской Церкви» пресвященного Василия (Кривошеина) от 1970 г. на первую часть «Истории Русской Церкви (1700—1917)»⁷. Как известно, Смолич не признает термина «Синодальный период», он его именуется, вслед за немецкими учеными, «Государственной церковностью» (Staatskirchentum).

Поэтому обращение дипломника к появившемуся в 1952 г. в Германии, а в России в 1997 г. в русском переводе фундаментальному исследованию Смолича о русском монашестве, несомненно,

⁷ Церковь владыки Василия (Кривошеина). Нижний Новгород, 2004. С. 318—325.

актуально и представляет большой интерес. Тем более это встреча двух школ: немецкой, независимой, и отечественной, воспитанной в определенных традициях.

Диплом носит, в основном, реферативный характер. Однако автор не довольствуется внимательным прочтением и самостоятельным продуманным изложением сочинения, нередко он вступает с мэтром науки в спор, демонстрируя острый ум и значительную эрудицию.

Но это, конечно, схватка борцов разных весовых категорий. Даже такие специалисты, как авторы статей по истории русского монашества в нулевом томе «Русская Православная Церковь» «Православной энциклопедии», как Н. В. Синицына, игумен Андроник (Трубачев), А. А. Бовкало, А. А. Федоров, обходят стороной мнение Смолича о правоте нестяжателей в борьбе с иосифлянами относительно монастырских вотчин и осуждении инквизиторского способа борьбы иосифлян с еретиками, о положительной роли секуляризации монастырского имущества в XVIII в. и т. д.

Нас удивляет такая позиция современных ученых. Как можно замалчивать эти острейшие проблемы истории, а также выводы Смолича о том, что древнее старчество убито стяжателями (с. 330), а новое (XVIII—XIX вв.) прорывалось «сквозь преграды» епископского заговора (с. 351), или что епископат и «ученое монашество» он выводит за черту монашества (с. 321). Тут невольно вспоминается поговорка древних: «Quod licet Jovi, non licet bovi». Да, дипломник не мог обойти стороной спорных вопросов.

На с. 29—30 он пытается защитить прп. Иосифа Волоцкого в споре с прп. Нилом о скитах последнего, обмирщении богатых монастырей иосифлян и допустимости монастырского землевладения.

На с. 32 он вступает за прп. Иосифа Волоцкого, сторонника смертной казни для еретиков: «Хотелось бы тут заметить одну деталь: именно прп. Иосиф Волоцкий и свт. Геннадий Новгород-

ский, а не сторонники прп. Нила стояли в эпицентре борьбы с набирающей обороты ересью жидовствующих» (с. 32).

В споре Смолича с традиционной концепцией последствий секуляризации 1764 г. дипломник на стороне традиционалистов, потому что, дескать, это привело к резкому сокращению числа обителей.

С этим никто не спорит, в том числе и Смолич, но прав и последний в том, что теперь надо подумать Синоду о реформировании монастырской жизни на началах обещанной бедности и отшельничества, чтоб епископы не были князьями, а монахи — приказчиками.

В этом споре забывают еще о подначальных монастырских крестьянах, которые после известного указа Екатерины II освободились от барщины и других тягостей.

И вообще, дипломник избегает критики «исторического христианства», присущей Смоличу (см. о судьбах архимандрита Макария (Глухарева) и Феодора (Бухарева), которых Смолич справедливо называет жертвами «церковного консерватизма» (с. 315—318)). Он оспаривает Смолича, писавшего о нелегкой судьбе ученых архиереев, испытавших «тяжелую руку» консервативного митрополита Филарета (с. 72—73).

Дипломник отвергает мнение Смолича об исключении епископата и «ученого монашества» из монашеского сословия (с. 70). Автор диплома упрекает Смолича за узость его взгляда в отношении причин, как выражается дипломник, «откола католиков от вселенского православия» (с. 56), поэтому он называет сомнительной попытку уподобления Смоличем прп. Серафима Саровского католическому святому Франциску Ассизскому (с. 75).

Автор работы на согласен с ученым не только по ряду мировоззренческих проблем, но и выявляет фактические неточности, поверяя их современными изданиями, например, судьбу старообрядческого подвижника Авраамия: «Православной энциклопедией», т. 1 (М., 2000), новым энциклопедическим словарем по старообрядчеству (М., 1996), что делает, несомненно, честь

пробующему перо. Тем обиднее наличие некоторых ошибок в сочинении выпускника:

На с. 33 допущена досадная ошибка, даже две ошибки: «В Евфимьевском Спасо-Суздальском (?!) монастыре... одно время был заточен патриарх Никон» (?!).

На с. 55 он ошибочно называет годом учреждения Киевской митрополии 1448, в то время как у Смолича — «1448 г., а окончательно в 1458 г.» (с. 221), с чем нельзя не согласиться.

На с. 70 архиепископ Арсений (Верецагин, 1736—1799), по мнению дипломника, не относится к «ученому монашеству», с чем нельзя согласиться, ведь он окончил Славяно-греко-латинскую академию⁸.

На с. 71 с ним нельзя согласиться в том, что архиепископ Нижегородский Иаков (Вечерков) принадлежал к группе архиереев, скончавшихся в монастыре: владыка умер 20 мая 1850 г. в Санкт-Петербурге, куда был вызван для очередного присутствия в Синоде 25 ноября 1849 г. Здесь же допущена ошибка в дате его кончины: не 1852 г., а 1850⁹. Здесь дипломник доверился Смоличу (с. 312).

На с. 75 автор по традиции называет годом рождения прп. Серафима Саровского 1759 г. Сейчас определяют 1754 г. Так, исследователь А. М. Подурец предлагает четыре варианта года рождения святого: 1754, 1758, 1759 и 1764¹⁰.

В последнем труде Степашкина В. А. о преподобном утверждается подлинной датой рождения святого 1754 г.¹¹ Поэтому в те-

⁸ См.: Арсений (Верецагин), архиеп. // РБС в 20 тт. Т. II. СПб., 1900. С. 309; Арсений (Верецагин), архиеп. // Мануил (Лемешевский), митр. Русские православные иерархи. Т. 1. М., 2002. С. 153.

⁹ См.: Макарий (Миролюбов). История Нижегородской епархии. Нижний Новгород, 1999. С. 241; Святители земли нижегородской. Нижний Новгород, 2003. С. 135.

¹⁰ См.: Подурец А. М. Саров: памятник истории, культуры, православия. Саров, 1998. С. 56—57.

¹¹ Степашкин В. А. Прп. Серафим Саровский: предания и факты. Саров, 2002. С. 218.

кущем году указано организовать Серафимовские торжества по случаю 250-летия со дня рождения прп. Серафима. Исследователь настаивает также восстановить, по его мнению, исконное фамильное прозвище — Машнин. И еще. Историк нашел будто бы новые доказательства, свидетельствующие о его социальном происхождении: преподобный родился, якобы, не в купеческой семье, а вышел из посадских людей¹². Наконец, в поле зрения дипломника не попали, к сожалению, и такие труды по избранной теме, как:

Ростиславов Д. И. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. СПб., 1876;

Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908;

Зырянов Н. Русские монастыри и монашество в XIX и в нач. XX века. М., 1999;

Зыбковец В. Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1918—1921). М., 1975.

Однако, несмотря на указанные небольшие недостатки, работа выполнена добросовестно, заинтересованно и достойна хорошей оценки. Проба пера состоялась.

13. ОТЗЫВ преподавателя игумена ТИХОНА (Зайцева) на дипломную работу выпускника Московской духовной семинарии иеродиакона ЕФРЕМА (Просянка) по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Идейный смысл и история праздника Благовещения Пресвятой Богородицы»

Настоящая дипломная работа посвящена одному из великих двенадцатых праздников святой Церкви. В литургической науке имелось немало исследовательских работ, посвященных этой те-

¹² *Кочин Д.* Исследование архивных материалов о пребывании прп. Серафима в Саровской обители // Труды Нижегородской духовной семинарии. Нижний Новгород, 2003. Вып. 1. С. 211—213.

ме, но, как правило, они не охватывают всесторонне вопросов, касающихся данного праздника. В начале XX века проф. М. Н. Скабаллановичем была предпринята попытка выпустить в свет научное издание всех вообще двенадцатых церковных праздников, снабдив их историческими сведениями, святоотеческими толкованиями и разъяснениями. Но в связи с революционным переворотом в России ему удалось это сделать лишь отчасти: он издал выпуски, посвященные только шести из двенадцати праздников, среди них не было относящегося к празднику Благовещения. Настоящее исследование можно назвать в некоторой степени дополнением серии «Христианские праздники», которую задумал осуществить в свое время приснопамятный профессор. Объем работы 82 страницы. Она состоит из введения, шести глав, заключения, списка сокращений, перечня источников и литературы (65 наименований) и приложения.

Во введении автор дает характеристику имеющейся по данной теме научно-исследовательской литературы, указывает на метод своей работы, на ее построение и подход к раскрытию поставленной темы.

В главе I лаконично описывается на основании краткого евангельского повествования (Лк. 1, 26—38) событие Благовещения, даются комментарии, приводятся не вошедшие в канон священных книг апокрифические предания, которые, по замечанию автора (с. 7), нашли свое отражение в иконографии праздника.

Различные наименования праздника, имевшие место в первые века христианства, вплоть до VII века, становятся предметом исследования автора во II главе. Здесь автор предстает не только как литургист-историк, но и как лингвист. Он подробно останавливается на анализе греческого названия праздника, разбирает этимологию древнерусского слова «благовестие». Из названия праздника становится ясным восходящее к глубокой древности высокое почитание Божией Матери, вероучительное определение о Которой (Θεοτόκος) вынес своим постановлением III Вселенский Собор (431 г.).

В III главе описываются основные принципы иконографии праздника Благовещения, сложившиеся к V веку, разнообразие типов икон, которые наиболее распространены в настоящее время, и даются пространные на них комментарии.

В главе IV, посвященной гимнографии праздника, говорится об авторах церковных песнопений, подробно рассматриваются тексты службы праздника греческой и славянской Миней.

Наибольшую научную ценность представляет V глава исследования. Параллельно со славянским текстом праздничных песнопений дается их перевод на современный русский язык. Раскрывая значение события Благовещения и идейный смысл праздника, в комментариях к песнопениям автор использует богатство святоотеческой мысли. Приводятся ссылки на места Священного Писания, которые легли в основу песнопений праздника: это, главным образом, канон и антифоны на литургии.

Дате события Благовещения и истории установления празднования в честь него посвящена VI глава исследования.

В приложении к работе автор приводит кондак прп. Романа Сладкопевца в переводе с древнегреческого языка на русский. Не менее, чем канон утрени, этот кондак раскрывает существо празднуемого события, но, к сожалению, как замечает автор, это песнопение не входит ныне в состав службы праздника.

Что касается замечаний к работе, то, надо признать, они незначительны. Не умаляет настоящего труда отсутствие в нем служб предпразднства, попразднства и отдания, в которых содержится немало глубоко назидательных гимнов, а также отсутствие в исследовании сравнительной характеристики празднования Благовещения по Студийскому, Иерусалимскому уставу и Уставу Великой церкви. Объясняется это установленными рамками для написания дипломных работ. Нет сомнения: была бы дана такая возможность, автор справился бы и с этой задачей. И еще: для наглядности можно было бы поместить параллельно греческий текст службы праздника, поскольку, как замечает сам

автор, некоторые песнопения греческой Миней не вошли в Минею славянскую (с. 19).

Представленная дипломная работа заслуживает отличной оценки. Она может быть рекомендована читателям, которые интересуются глубиной богословской мысли, выраженной в церковных песнопениях, и стремятся к постижению смысла празднуемого святой Церковью торжества.